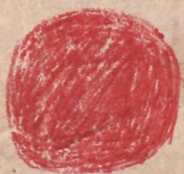
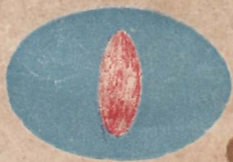
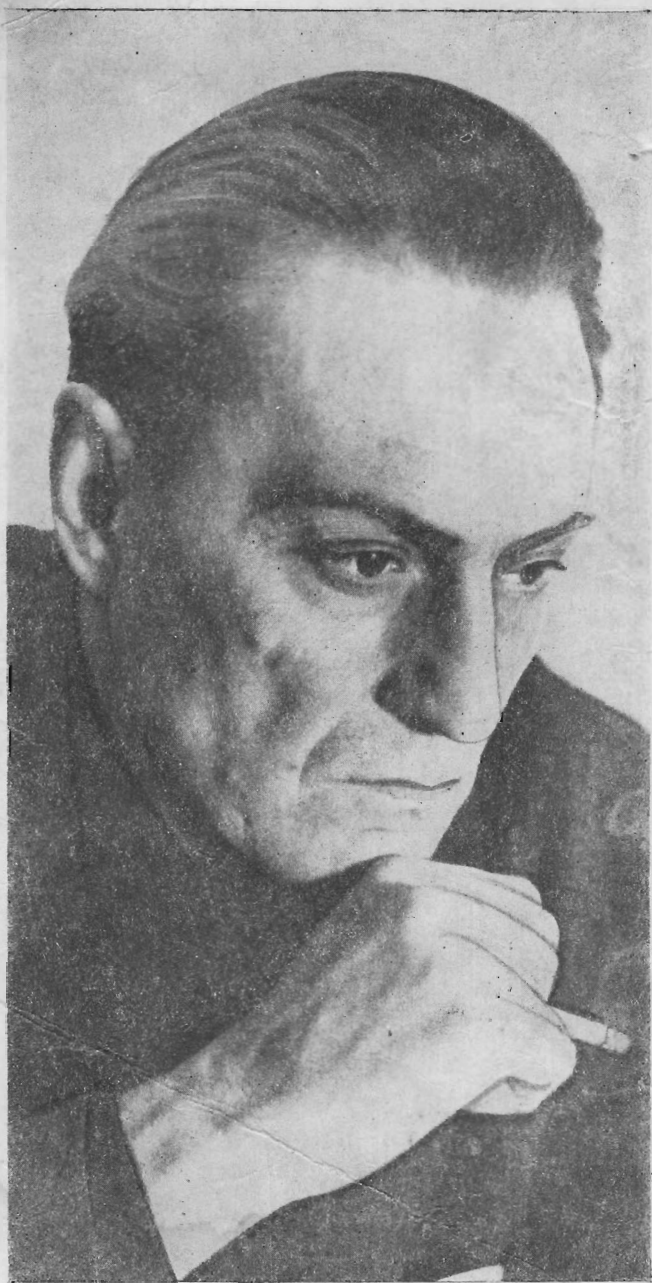

ЕВГЕНИЙ БУРАВЛЕВ

СТ-
РО-
ВА

ЕВГЕНИЙ БУРАВЛЕВ

О **СТ-**
РО-
ВА

СТИХИ
ПОЭМЫ

Кемеровское книжное издательство

1967

г. Ленинск-Кузнецкий
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. Крупской

Возможно, книга эта не нуждается в предисловии. Не зря говорят: судьба поэта — в его стихах. И все-таки, мне кажется, читателю небезынтересно узнать некоторые необходимые подробности из жизни человека, написавшего эту книгу, из его творческой биографии.

Путь Евгения Буравлева к литературе был сложным и длинным. Первые стихи он опубликовал, когда ему было уже за тридцать. А первый сборник «Кладовискатели» поэт издал в тридцатипятилетнем возрасте. Это с самого начала наложило своеобразный отпечаток на все его творчество. Напрасно вы будете искать в его стихах юношескую восторженность, необузданность чувств и поступков, цирковые эксперименты в работе над словом. Стихи его строги и определены. Главный их двигатель — мысль. Но это вовсе не значит, что они холодны и рассудочны. Лучшая часть творчества поэта щедро согрета теплом человеческого сердца. И не беда, что чувства его сдержанны по своей природе, зато ясно ощущается их глубина и значимость.

Евгений Буравлев пришел в поэзию с большим жизненным опытом. За его плечами была война со всеми ее горестями, бедами и утратами. Война стала для него академией мужества, она выгнала его характер, сделала поэтом.

Мы, молодые его товарищи, о войне знаем в основном понаслышке. Но и мы пишем о ней. Она приходила в наши стихи и прозу из смутной памяти детства черной зловещей тучей, пошатнувшей жизненное равновесие. А Евгений Буравлев редко писал о войне.

Тяжелая память о войне, унесшей миллионы молодых жизней, мешает поэту писать об этом, перебивает его дыхание.

Смерти самой вопреки,
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.
Но умели молчать,
Там, где нельзя не кричать,

И попадали в печать
Только посмертно, друг.

Поэт Евгений Буравлев был одним из этих безусых пареньков, испытавших все ужасы войны. И его суровое молчание о «воинах, которым стихи не нужны», — это часть того торжественного и великого молчания, в котором застывает народ у могил и обелисков павших героев.

✓ После войны Евгений Буравлев несколько лет работает в Заполярье. Сначала в полярной авиации, потом на строительстве дороги Салехард—Игарка. В начале пятидесятых годов он приезжает в родной Кузбасс. И здесь он несколько лет работает на строительстве. Вместе с тысячами парней и девчат сквозь таежную глухомань, горы и болота прокладывает дорогу Новокузнецк—Абакан. Последняя его рабочая должность на этой стройке — главный инженер комбината промышленных предприятий.

Примерно к этому времени можно отнести и его первые выступления на страницах газет и журналов со стихами, очерками, корреспонденциями. А вскоре выходит и первый его сборник стихов. В нем поэт пишет и о дорогах, которые привели его в поэзию.

Нет, никогда я не жалел,
Что изо всех дорог,
Я выбрал ту, где больше дел,
Где под дождями дроз.
Где труден путь, как перевал,
Где пот не раз прошиб,
И если б снова выбирал,
То выбрал бы Южсиб.

В 1956 году Евгений Буравлев стал студентом литературного института им. Горького. Через три года выходит его вторая книга стихов «Родник у дороги», а уже в следующем году газета «Кузбасс» публикует одну за другой главы его большой поэмы «Красная горка». Это своеобразный поэтический памятник молодому городу Междуреченску, его молодым строителям. С поэмы «Красная горка» началась известность Евгения Буравлева как поэта. После выхода ее в свет Буравлева принимают в члены Союза писателей. В 1962 году было создано Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР. Буравлев стал его ответственным секретарем.

За последние пять лет поэт работает много и плодотворно. Одна за другой выходят новые книги его стихов: «Узнаю тебя, друг» (Кемерово, 1962), «Моя работа — моя любовь» (Москва, изд. «Советская Россия», 1964), «Первая плавка» (Кемерово, 1965).

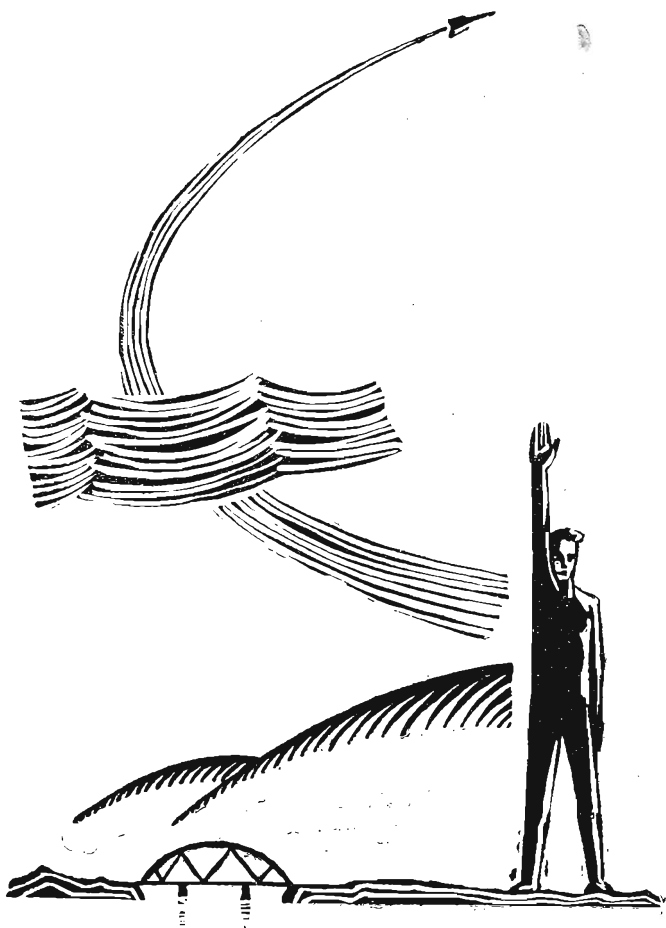
В эти же годы Евгений Буравлев выступает и как публицист. Он много ездит по Кузбассу. Результатом этих поездок стала книга очерков «Миллион влюбленных», написанная в соавторстве с Олегом Павловским.

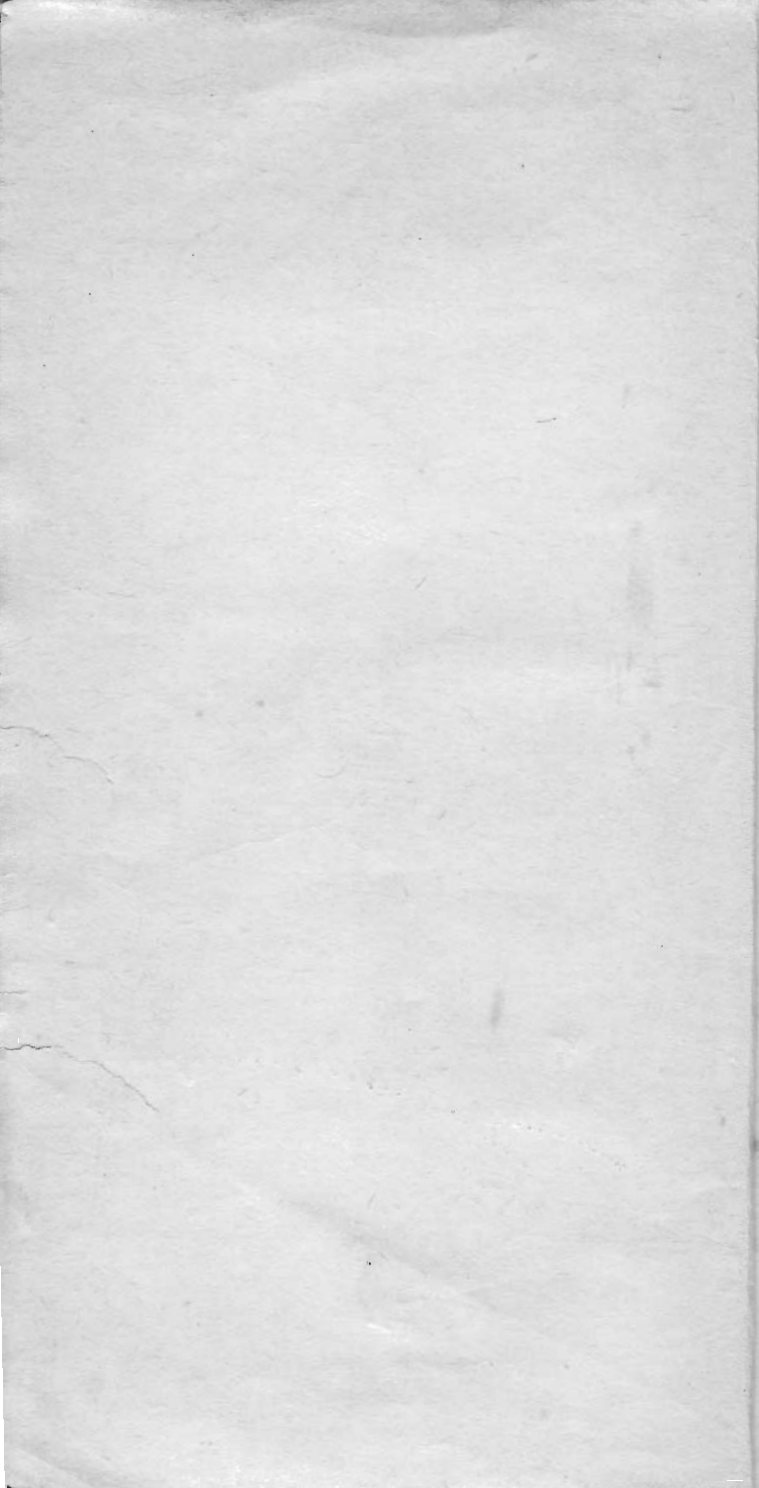
В 1964 году на сцене Кемеровского театра оперетты с успехом шла пьеса Евгения Буравлева «Жемчужины Сибири». Через два года Омский театр поставил его новую пьесу «На крыльях мечты».

Заметно окреп за последние годы поэтический талант Евгения Буравлева. Хорошее свидетельство этому книга «Острова». Очень хочется верить, что она будет тепло встречена читателями. «Острова» дают возможность познакомиться с циклом новых стихов и со всем лучшим, что было создано поэтом за десять лет.

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

Сти- хи

* * *

Я беру чудо-колбу —
Океан человеческих слез, —
На две пятых — от счастья и радости,
Остальные — от горя и боли.
Нагреваю до ста
Или ставлю на лютый мороз,
Добывая кристаллы
Бесценнейшей соли.
Я беру корни слов,
Вросших прочно, как в землю, в наш быт.
Прививаю побегі приставок,
Флексий, суффиксов и окончаний.
И той самую солью —
Всем запасом, что мною добыт, —
Удобряю поля.
И мой сад обретает звучанье.
Все, как видите, просто.
Кустятся деревья, шутя.
И, глядишь, к сентябрю,
Когда инеем тронет виски и березы,
Вспыхнет книга, как роща,
Листами страниц шелестя,
Чтоб от радости люди
И от боли — роняли бы слезы.

1967 г.

* * *

Говорят, что я не лирик, нет,
Почалдонски будто скуп на слово,
Что на вкус, на запах и на цвет
Каждая строка моя сурова.
Я и сам нет-нет да спохвачусь:
Стих суров.

Но никуда не деться —
Укрощать любые бури чувств
Жизнь меня приваживала с детства.
Только ты от этого, мой друг,
Не подумай плохо о чалдоне.
Да, суров он,
Да, на слово скуп,
А душа, а сердце — на ладони...

1961 г.

* * *

Волна отступит, набежит —
Свой вечный спор ведет с гранитом.
Опустошенный и разбитый
Баркас на отмели лежит,
Песком наносным погребен,
Торчат шпангоуты, как ребра.
А ведь когда-то плавал он
И славой пользовался доброй...
Теперь лишь ветер шевелит
Истлевшие обрывки снасти,
Да море мерно бьет в гранит,
Как будто не было ненастья,
Как будто грозный ураган
Не будоражил эти воды...
И новых судеб мореходы
Спешат к далеким берегам.

1953 г.

Острова

Кто вас выдумал, острова,
С птицей-иволгой, с ягодой-кислицей,
Где Наташка-сорвиголова
Робинзоном любила числиться?
Ей, бывало, ни в чем не перечь —
Берегись языка ее острого,
Если даже заходит речь
О спасении ее с острова.

Говорила: «Мои острова!» —
Хоть, чем кончится все, знала загодя:
Расправлялись мы с нею сперва,
А потом приступали к ягоде.
Но однажды как-то весной,
Босоногая, в ситцевом платице,
Поделилась тайной со мной:
«Робинзону скучно без Пятницы...»
И, от счастья на волосок.
Я признал острова робинзоньими,
И до зорьки, уткнувшись в песок,
Наши лодки лежали вверх доньями...
Ну, а нынче вы, острова,
Неужели необитаемы?
В рост смородинник, в пояс трава,
Да черемушник с птичьими стаями.
Вот и берег. Дробинки воды
Держат ветви листьями-ладонями.
Хода нет! — на песке следы,
И две лодки лежат кверху доньями...

1962 г.

* * *

Тропа — с уступа на уступ.
Сорвешься вниз — пиши пропал.
Но за верстой идешь версту,
Пока минуешь перевал.
А там — степей хакасских зной,
Тропа — росинки ни одной,
Ковыль да камень по бокам
До самой речки Абакан...
Еще на всех дза сухаря,
Еще на всех глоток воды,
Еще, короче говоря,
Не так уж близко до беды.
Но вот ковыль от жажды сник.
От зноя воздух, как смола.
Казалось, все...
И вдруг — родник!
К живой воде тропа вела.

Кто эту тропку проторил?
Охотник? Спутник Ермака?
Кто в камне ложе смастерил
Для колыбели родника?
Напейся, жажду утоли —
И снова в путь бери разбег.
Должно быть, добрый человек
Впервой примял здесь ковыли.
И пусть помянут был как раз
Не он — беда не велика —
Тем, кто до нас и после нас
Изведал силу родника.

1959 г.

Картина В. Г. Перова „Странник“

Вижу: с птицами ранними
Подымаясь чуть свет,
По Руси бродят странники
С незапамятных лет.
От селенья к селению,
От реки до реки
Бродят, будто явления,
По земле чудаки.
Бредят дальними странами,
Жить, как все, не сумев,
Неразгаданно-странные
И себе на уме.
Жажда вечного поиска
Гонит их по Руси.
Ищут правды и совести,
Выбиваясь из сил.
До чего ж пронизательны
И наивны глаза.
Мудрецы-прорицатели —
Хоть пиши образа.
Бродят, на ногу легкие,
Нет, не ради куска —
Горизонты далекие

Их зовут все века.
То спешат на моление,
То — на поиски руд,
То за правдою к Ленину
Ходоками идут,
То хоть к чертовой матери
С саблей, взвинченной ввысь,
То с мечтою романтика —
Переделывать жизнь.
До skonчания странствия
Не смутит чудака,
Что конечная станция
До сих пор далека...
Вот распят на подрамнике
Смутной доли портрет.
По Руси бродят странники
С незапамятных лет.

1966 г.

* * *

Л. Мартынову

Очень трудно без песен,
Люди не могут без песен,
Мир без песен так тесен,
Так бесцветен и неинтересен,
Что взрываются души,
Словно в звездную полночь ракеты:
Души ищут отдушин —
И рождаются в мире поэты.

И тогда не зевайте! —
Ловите горячие строки,
Удивляйтесь и прозревайте:
Вам отпущены сжатые сроки,
Потому что поэты
Сгорают дотла, как кометы,
Только росчерком света
Озарив на мгновение планету.

1966 г.

* * *

Ах, как щедры мы на советы,
Когда с тобой стряслась беда:
И тут, мол, сделал ты не этак,
И там шагнул, мол, не туда;
Правей, мол, надо бы держаться:
Чем ни правей, тем чаще прав;
И, дескать, стоит ли терзаться,
Судьбе однажды проиграв?
И нет чтоб вовремя подправить,
А то и в чем-то поддержать,
Мы сокрушаемся: — Судьба ведь...
Судьбы никак не избежать...
Советы, мудрые советы —
Несть после драки им числа.
То непреложны, как заветы,
То так горьки, что спасу нету,
То — как фальшивые монеты —
Поди узнай без четкой меты:
Добра в них больше или зла?
И вот уж ты, не взвидя света,
Готов хоть в омут, хоть в петлю,
Поскольку все эти советы —
Что рванный парус кораблю.
И на поверку все радушье,
Участье все иных из нас
Глухим удушьем равнодушья
Перед тобой предстанут враз.

1966 г.

* * *

Был цех, как цех.
С гончарным кругом,
С запасом глины и огня.
Был человек. Считался другом.
Но пуще глины мял меня.
О, как он правилен был, ровен,
Неуязвим со всех сторон!
О, сколько пота, сколько крови

За правду-матку пролил он!
Он слыл борцом, он жаждал схваток,
Он всех сомненью подвергал, —
Мол, нет средь вас невиноватых, —
И в каждом смертном зрил врага.
Он выжидал, он ждал мгновенья,
Когда споткнешься — сам не рад, —
Чтоб тотчас вскрыть вину паденья
И возвести ее в квадрат.
Он всех нас знал, и все просчеты,
Все наши слабости он знал,
И бил всегда с таким расчетом —
Чтоб точно в сердце, наповал.

* * *

Не верьте тем, чья злая зависть
На нас возводит клевету,
Что, мол, один из нас, прославясь,
Других обходит за версту.
Нет на земле таких влюбленных,
Нет столь крепчайших братских уз,
Как средь людей, объединенных
В единый творческий союз.
Мы любим поддержать друг друга,
Когда сойдется клином свет.
Мы тот же час на всю округу
Шумим: свихнулся, мол, поэт.
Мы к новой книге с интересом —
Пусть с личным — взоры обратим
И, обратясь к услугам прессы,
Немедля прикурить дадим.
Очередного дегтя ложка —
И к телефону шли жену,
И разрывает неотложка
Ночных проспектов тишину.
И после дружно все вздыхаем,
Несем венки, несем цветы,
И забываем про тот камень,
Которым был прикончен ты.

И долго, долго сожалея,
Что мало вымотали жил.
Мы рвем рубахи в юбилей:
«А я с ним жил!»
«Я с ним дружил!»
Но ты поди скажи попробуй,
Кто лицемер. Не скажешь, нет.
Мы все друзья. Одни — до гроба,
Другие — после. В том секрет.

1966 г

* * *

Ломают копья молодежь
По мелочам, по пустякам.
За чей-то грех, за чью-то ложь
Бросает вызов старикам.
Наводит тень на всех отцов,
Как будто мы тому виной,
Что им на стыке двух эпох
Не подарили рай земной.
Как будто пращурам своим
Мы тоже бросить не могли,
Что сотни лет и сотни зим
Поклоны били до земли.
Что гнет князей, татар, царей
Они с покорностью снесли,
Что только мы, мол, в Октябре
Черту под этим подвели.
Мы не ругали стариков —
Кому он нужен, этот шум?
Мы знали: было нелегко
За вилы братья и за ум.
Мы знали: грянет та пора —
Ни черный тлен, ни горький плен
Из рук не выбьют топора —
Народ поднимется с колен...
Мы не корим своих юнцов

За вызов, брошенный нам вслед.
Кровь и терпение отцов
Они оценят, повзрослев.

1966 г.

* * *

А вы смогли б, свободно, просто,
Вины не чувствуя ни в чем,
Свои стихи прочесть с помоста,
Где четвертован Пугачев?
Ведь вы ж могли, взойдя на площадь,
Что занял глыбища-поэт.
А здесь — подавно. Здесь же проще.
Здесь даже памятника нет.
Смогли б такие, чтоб от сердца —
От первой строчки до конца, —
Чтоб обратить в единоверцев
На всей святой Руси сердца?
Такие, чтобы не в угоду
Ни тем, кто судьбами вершил,
Ни тем, кто в трудный час народа
Лишь под ногами мельтешил?
Смогли б?.. Добро. Но прежде взвесьте.
Достанет ли ума и сил:
Ведь это здесь, на этом месте
Начало правды на Руси.
Здесь в честь побед салютовали,
Скорбили в годы тяжких бед,
И здесь же тех четвертовали,
Кто был предвестником побед.
И если ты предельно честен,
Готов ли ты, как на суду,
Прочесть стихи на лобном месте
У всей России на виду?

1966 г.

* * *

Жизнь — не гладенький шлях.
Здесь прочтешь раз и два.
Как на минных полях:
«Осторожно — слова!»
Правда, ходит молва,
Что слова — трын-трава.
Но молва не права —
Наповал бьют слова.
Словно плахи, слова:
«Враг», «предатель», «подлец».
Эти — с плеч голова,
Эти — жизни конец.
Есть такие слова,
Как «донос», «клевета»,
Что преследуют вас
Шепотком по пятам.
Есть, что метят с плеча,
Как клеймо ОТК,
Бюрократа, рвача,
Иногда — дурака.
Что ни слово — снаряд.
Осторожнее с ним,
Чтобы, как говорят,
Не пальнуть по своим...
Есть другие слова:
«Гений!», «светоч!», «гигант!» —
И, пробившись едва,
Погибает талант.
Но страшнее чумы
Чудодейство тех слов.
Если в гении мы
Вдруг возводим ослов.
Много слов есть других.
«Дружба». «Верность». «Любовь».
Но и даже в честь их
Не всегда славословь.
Ста троянских коней
Стоят эти слова,
Если «друг» твой темней,
Чем ночная сова...

50331

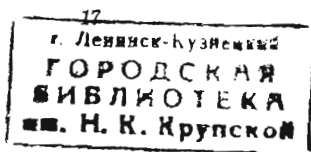
Воскрешают слова:
«Вера», «правда», «мечты».
С ними снова вставал
У последней черты.
Но держись, не стони,
Если в спину, как нож.
Вдруг вонзают они
Тонко скрытую ложь.
И покамест ты жив,
Вера в правду жива --
Сам учись безо лжи
Говорить все слова,
Краснобаям назло,
За фонтаном идей,
За павлинами слов
Видеть сущность людей.

1966 г.

* * *

Да, смешно, конечно, для нашего века
Вспоминать этапов пройденных массу.
Да, человек уже не ест человека
И вообще не пристрастен к сырому мясу.
Но зато преспокойно, как на давний обычай,
Как на право отстаивать верх за собой,
Где-то еще смотрят, как, стервенея по-бычьи,
Люди решать проблемы сходятся на мордобой
Но зато по свету вспыхивают эпидемии
Черной псожовщины варфоломеевских ночей,
И готовят школы и даже академии
Высокообразованных убийц и палачей...
Что-то не свершилось...
И снова об этом
Взывает будущее, история сама,
Лозунгом ленинцев, строчкой поэта:
«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»
Да здравствует разум! Он уже на пороге,
Он вот-вот должен грянуть — век Разума на земле,

2 Е. Буравлев

Он придет как итог долговечной дороги,
Как солнечный день на смену заре.
Поправ власть оружия, силы и денег,
Он войдет в историю как неизбежная вежа,
Как и тот миг, когда, встав с четверенек,
Зверь начал трудный путь человека.

Работа

Тебе всей родней напророчен
С пеленок орлиный полет,
А жизнь лишь подсобным рабочим
Тебя для начала берет.
И вот ты весь день на подхвате —
Поддай, пособи, поднеси,
И вот ты приставлен к лопате
Заместо мотора в сто сил.
Случится работа — до пота.
Осилишь — чудно самому.
А все вроде так — не работа, —
Ни сердцу не дать, ни уму.
Случится иная работа —
Вначале захватит, а там:
«Да ну ее, — скажешь, — в болото!»
И кончишь с грехом пополам.

Но вот невзначай, ненароком,
К примеру, ты взял мастерок,
И, словно дремавший до срока,
Ударит в крыло ветерок,
Еще не родивший полета,
Но властно зовущий: «Пора!»
И ты загорись: «Работы!»
Работы, товарищ прораб!»

И станут земными те боги —
И мастер Федот и Кузьмич, —
Которым ты кланялся в ноги,

Весь день подавая кирпич.
И скажет из новеньких кто-то:
«Видать по полету орла!..
Эх, мне бы такую работу,
Чтоб за душу прямо брала!»

1962 г.

Лишь бы люди — богаче

С. Городецкому

Вот идет он по свету,
Седой, напряженный, как память,
Едвое согнутый бременем —
Вьюками прожитых лет.
И сентябрьских лесов
Золотисто-багряная замать
Засыпает трехногий
Ковыляющий след...
Он был страшно богат,
Этот дряхлый старик с батожочком.
Он Бселенную мог
Вам при встрече шутя подарить.
Он, взяв камни простые,
Колдовски рассыпал их по строчкам —
Обращал в самоцветы,
Заставлял говорить.
Он был щедрым до нитки —
Раздаривал эти богатства.
Он ведь сколько угодно
Мог их в сердце своем раздобыть:
Лишь бы люди — богаче,
Лишь бы люди могли восторгаться,
Ненавидеть, смеяться,
Сгорать и любить.
Он был честен,
Поэтому дьявольски беден.

У него в вещмешке,
Кроме звонких стихов, — ничего.
Если б стих продавался,
Изо всей заработанной меди
Все равно б чудо-колокол
Он отлил вечевой.
Он все отдал, что мог.
У него ничего не осталось.
Только вечный огонь
Вечно новых надежд и тревог,
Только эта вот палка,
Да эта усталость,
Да обломки спиралей
Заверченных жизнью дорог.
Он бы мог стать ребенком.
Но дети — кто видел их мудрыми?
Он в развалинах памяти.
Как в курганах копает шурфы.
Здесь спрессована жизнь,
Но, увы, эти залежи рудные
Годны к выплавке только
Последней строфы.
Он бредет к дальним звездам —
Встречайте собрата и друга!
Он, как слон, пробирается
К той долине, где клином весь свет,
И сентябрьских лесов
Золотисто-багряная вьюга
Заметает трехногий
Ковыляющий след.
Но он счастлив. Да, счастлив!
Он людям оставил богатства.
Он не мог по-иному —
Ради этого стоило жить.
Лишь бы люди — богаче,
Лишь бы люди могли восторгаться,
Ненавидеть, смеяться,
Сгорать и любить.

Корабельный гвоздь

Н. Тихонову

Одной был плавки весь металл.
Но вот, прокатный стан пройдя,
Лишь тот, что стержнем прочным стал,
Пошел на выделку гвоздя.
Под звонким молотом рожден,
Наполнен силой кузнеца,
Взъершенный с острого конца,
Он корабельным стал гвоздем.
...Горели медью тополя,
От ветра лютого дрожа,
Когда, покинув стапеля,
В свой первый рейс ушла баржа.
Рвала метровая волна
Обшивку смоляных бортов,
Буксирный трос, хлестнуть готов,
Звенел, как тонкая струна,
Но шкипер, вымокший насквозь,
Не выпускал из рук штурвал,
Но кованый взъершенный гвоздь
Обшивку намертво держал.
Да, взять порог — не легкий труд.
Да, не любой пройти здесь мог.
Да, не один изведal тут
До дна Казачинский порог.
Но в схватке с шалою волной,
Как в обороне круговой,
Сверялось мужество людей
С работой кованых гвоздей.

1962 г.

Бригадир

Его не назначают,
Как с прочими бывает.
Его сама бригада
На должность выбирает.

Ему по доброй воле
Вверяют люди судьбы.
И если он ошибся —
Они ему и судьи.
Зато не облачают
Они любого кряду
Высоким полномочием —
Доверием бригады.
И зря иной кичится
Чинами и мундиром:
Кто не был бригадиром,
Тот не был командиром.

1960 г.

Черти

Бушует вьюга. Спит село.
А за околицей в палатке
Ютится, всем чертям назло,
Отряд парней с трубоукладки.
Еще не занялась заря,
Еще не садят бабы хлебы,
А здесь костры вовсю горят
И сварки сполохи — в полнеба.
С работой огненной в ладу,
Здесь штабелями трубы валят,
В дыму, в чаду — ну как в аду! —
Смолу в котлах огромных варят.
Плеснут на спины грешных труб —
И вновь орудуют ковшами,
И тени мечутся вокруг
С торчащими вразлет ушами!
Их — тех парней — так и зовут
Чертями здешние девчата
(Оно и верно: адский труд
Из-за жары одной да чада!)
И все ж с вечеров, с пятачков

Уводят тропками витыми
До самых третьих петухов,
Считая тех чертей святыми.

1960 г.

На Южсибе

Улегся облака сугроб
У дальних гор в ногах,
Как будто ветер-дворник сгреб
Со всей земли снега.
А надо мной такая синь,
С такою глубиной,
Что кажется: вот руки вскинь,
И — крылья за спиной.
Наверно, здесь любил присесть
Орел в полдневный зной.
Отсюда виден весь как есть
Хакасский край степной.
Видна таежницы Томи
Зеркальная межа,
В прыжке застывшая на миг
Резвушка Бискамба*.
Папахи взрывов над тайгой,
Зубцы дымящих скал,
Там, на тоннеле, вышел в бой
Строитель-аммонал.
А там, где кряж верблюдом лег,
Навьючив облака,
Составы
Первый уголек
Увозят в Абакан...
Нет, никогда я не жалел,
Что изо всех дорог
Я выбрал ту, где больше дел,

* Горный приток Томи.

Где под дождями дрозд,
Где труден путь, как перевал,
Где пот не раз прошиб.
И если б снова выбирал,
То выбрал бы Южсиб.

955 г.

Савельич

У Игнатия Савельича
Иней искрится в усах,
Из-под шапки из-под беличьей
Чуба снежного краса,
Быстрый глаз, улыбка светлая
И движения ловки,
А колхоз и сельсовет его
Записали в старики.
Порешили: надо пенсию.
Стали деда тормошить:
То разденься, то оденься,
То дыши, то не дыши.
И хотя здоровья дедова
Двум парням бы — за глаза,
И хотя, его исследовав,
Врач ни слова не сказал,
Все твердят: «Со дня рождения
Деду восемьдесят лет.
Значит, нет, мол, тут сомнения,
Натуральный, значит, дед...»
А на всю тайгу Курейскую —
От зимовий до станков —
На всю даль на Енисейскую
Между промысловиков,
Меж бригадами рыбацкими
Ходит сказ про старика:
Нет охотника удачливей,
Нет способней рыбака...
Но решение правления

По деревне разнесли
И общественное мнение
В заблуждение ввели.
Даже та, с кем клятвой верности
Связан был десятки лет,
Усомнилась в достоверности:
То ли дед он, то ли нет.
Непонятная история:
Был орлом, и вот те на —
Изгоняют в Евпаторию:
Подлечись, мол, старина!
Бродит дед таежной чащей,
Но покоя нет как нет.
Табаку накрепчайшего
Не один спалил кисет.
«Что же я? На что с обидою?
К званью деда не привык?
Да ведь мне порой завидует
Тот, кто в двадцать лет старик.
Нет, не той породой славится
Крепкий род сибиряков.»
Пусть включают, если нравится,
В списки... как их... стариков.
Пусть дедами именуемся,
Званье что — табачный дым,
Мы еще посоревнуемся
С председателем самим». —
Порешил и успокоился.
Сшиб попутно глухарей,
Подвязал за лапы к поясу —
И до дому поскорей.
Так и так, мол, Афанасьевна,
С перемирием иду:
На курорт — даю согласие,
А с отставкой — обожду!..
С председателем правления
Не здоровается дед:
«Не вводи народ в смущение,
Не порочь авторитет!»

1953 г.

Баллада о сапера

Долго по следу сапера,
Крадучись, смерть ходила,
Не затевала спора —
Все до поры щадила.
Только дышала рядом
Стужей мгновений длинных
То над фугасным зарядом,
То на полях на минных.
Сердцем толовой шашки,
Черным зрачком запала
Неосторожной промашки
От него ожидала.
А он обходил ее мимо,
К трудной привык работе:
Мина ему — не мина,
Прокладывал путь пехоте...
Хватился только в Берлине.
Что на висках уже иней.
А было всего в ту пору
Двадцать четыре саперу...
Давно те дни отшумели,
И в прошлом году синишке
Мать из отцовской шинели
Выкроила пальтишко.
Редко о первой бомбежке,
О том, как он нюхал порох,
Рассказывал сыну Лешке
Взрывник Никодим Егоров.
Новых дорог немало
Прошел он под гром аммонала,
И мирно ему служила
Взрывчатки страшная сила.
У речек менял теченья,
Ровнял с берегами горы,
Вставали за ним селенья,
Рождался шахтерский город.
Ни отдыха, ни привала —
Спешил туда, где синели
Невзятые перевалы,
Непройденные тоннели,

Спешил, как будто боялся:
Останется сыну работа;
И к ночи в барак возвращался
Оглохший и мокрый от пота...
Но было такое место:
Вздымались скалы отвесно,
На речке, что билась справа, —
Временная переправа.
Замерло все на стройке
В ожидании взрыва.
Только кедровки да сойки
Звенели за дальней гривой,
Только, прощаясь с летом,
Солнце пекло нестерпимо...
Но я не думал об этом,
Встретив тогда Никодима.
Кострами багряных нарядов
Не волновала осень.
Из десяти зарядов
Сработало только восемь...
А за спиной — переправа:
Люди, рельсы и шпалы.
И только он имел право
Снова сменить запалы.
Внешне спокоен, беспечен
Перед свершением трудным,
Шагнул он к дымящимся гудам,
Расправив саженные плечи:
«Посторонись, пехота!»
Побереги здоровье!»
И только капелька пота
Застряла над самой бровью.
Только стиснул мне руку
В жаркой своей ладони:
«Если чего... Как другу...
Поприсмотри за Лёней...»
Только сердце заняло:
«Эх, кабы жизни по две...»
Но долга властная сила
Звала и вела на подвиг...
Напрасно к обеду Лешка
Принес узелок нехитрый:

Краюшку хлеба, картошки.
И молока пол-литра.
Когда разметало скалы
В облаке щебня и дыма,
Узнали: его не стало,
Взрывника Никодима.
С заломленными руками
Упала навзничь береза,
Казалось, что даже камни
Точили украдкой слезы.
И кто-то из старых путейцев,
Пропавший от шпал креозотом,
Вспомнил, как рота гвардейцев
Шла за Матросовым к дзоту...
Все было сурово и просто,
Как все, что связано с боем.
Но долго еще подросток
Сладить не мог с собою.
Тяжелое,
Человечье
Горе,
Как камня глыба,
Легло
На мальчишечьи плечи
На сотой версте Южсиба...
И если случится —
Мимо
Промчит тебя скорый поезд, —
Поклонись ему в пояс —
Взрывнику Никодиму.

1959 г.

Баллада о слове „надо“

Ни гибель, ни награда —
Ничто нейдет в расчет,
Едва лишь слово «надо»,
Как совесть, припечет.

I

—На горле бывшей части,
 Разбитой в пух и прах,
 Защелкнул волчьей пастью
 Кольцо осады враг.
 Осталась от отряда
 Лишь горсточка бойцов.
 Но взводный скажет: «Надо
 Прорваться сквозь кольцо!..»
 Взметнется под ногами
 Земля от пуль и мин,
 И полковое знамя
 Спасет из всех один.

II

...Был кровью и слезами
 Пропитан этот шелк.
 И был под это знамя
 Поставлен новый полк.
 И вновь пропитан кровью
 Был полковой тот стяг,
 Но в снежном Подмоскowie
 На этот раз лег враг.
 Раз надо — значит надо!
 И боевой наш стяг
 С развалин Сталинграда
 Взлетает на рейхстаг!

III

...Работа — жарче ада:
 Семь скважин пробури.
 Но надо — значит надо, —
 И тут ты хоть умри!
 И пусть три ночи к ряду
 Свирепствует пурга —
 Готова вся бригада
 Хоть к черту на рога!

Здесь ни на шаг без риска,
Покоя — ни на час,
Но парни из Норильска
Нашли и нефть и газ!

IV

...Горит земля от зноя,
Скрипит песок в зубах:
Схватились с целиною —
Хоть пот гребни с рубях.
Палатки продувные,
Ни деревца вокруг.
Но парни пробивные —
Таких не свалишь вдруг:
Раз надо — значит надо! —
Степь ходит ходуном:
Не будут же соседи
Всю жизнь кормить зерном.

V

...Строители Южсиба
На штурм тайги пошли.
Не только за спасибо,
Не только за рубли.
Раз надо — значит надо!
К плечу плотней плечо,
И скалы — не преграда,
И реки — нипочем.
Здесь юность шла по шпалам,
И грелась у костров,
И крепла, и мужала,
Чтоб стать в строй мастеров.

VI

...Святое слово «надо» —
И брали Ангару,

И мерзли трубоклады
На ледяном ветру,
И в дальнее селенье,
Чтоб смерть спугнуть с двора,
На взмыленных оленях
Летели доктора...
С Луной летали рядом,
Торили к звездам путь.
Раз надо — значит надо!
Решили — не свернуть!

VII

...Но вот глухой преградой
Перед тобой подлец.
Забыто слово «надо»,
И ты смятен вконец,
И нет чтоб в морду ахнуть
И правду отстоять —
Ты норовишь поддакнуть,
По-крабьи жмешься вспять,
И после трусишь взглядов
Твоих друзей былых...
А надо было, надо
Бить подлеца под дых!

1967 г.

Али Умарбек

Вот и опять не шагнуть за порог:
То глухая пурга, то морозная звень,
И даже Али, несмотря на зарок,
Курит четвертый день.
Метет и метет ошалелый снег,
Ветер насквозь продувает брезент,
Возле огненной печки Али Умарбек
Вспоминает родной Ташкент.
А над палаткой гудят провода —
Тревожно на сердце все эти дни, —
Как будто бьется чья-то беда,

Безнадежно запутавшись в них.
Гудят, и в ста метрах на юго-восток
Падают в снег, спиралью кружа.
А связь, как в пустыне воды глоток,
Ожидает далекая Бискамжа*.
Не мог больше выдержать Умарбек
И сказал: «Пурги и мороза нет!»
И шагнул за полог в кипящий снег,
И мы потянулись вслед.
Со шквальным ветром, со снегом по грудь
Два дня продолжалась борьба.
От столба к столбу дотянуть как-нибудь
И еще — от столба до столба.
И когда на исходе второго дня,
Продутый со всех четырех сторон,
Последний столб Умарбек обнял —
Захрипел полевой телефон.
Кто-то сидел без стекла и гвоздей.
Где-то вагон под откос слетел —
Одновременно десятки людей
Говорили о сотне дел.
Кто-то басил на другом конце —
Не мог разобрать Умарбек.
Таял колючий снег на лице,
Слова продолжали свой бег:
«Алло, Бискамжа! Алло, Бискамжа!...»
А к горлу Али подкатился ком,
И, наверно, от холода так дрожат
Провода, опущенные куржаком.

1956

* * *

О мужестве много сказано слов.
Я видел его в лицо.
Его палачи привели к нам в село,
В железное взяв кольцо.
На окнах домов, на церковном кресте
Метались блики костров.

* Станция на Южсибе.

Во всей первозданной своей красоте
Шло оно мимо дворов.
Как до предела выгнутый лук,
Готовый метнуть стрелу,
С болью заломленных за спину рук
Шло оно по селу.
Рубашка, сорванная с плеча,
Русая прядь у виска,
Грудь, не знавшие молока,
Врезанные штыком палача.
А в отрешенных его глазах,
Полыхающих, как смолье,
Были не слезы, не боль и не страх —
Вера в бессмертье свое...
Но вот оно вышло на красный круг,
Смерти переступая черту,
И первым желаньем развязанных рук
Было — прикрыть наготу.
И все, когда узел рассек за спиной
Нож палача остер,
Увидели: девушкой самой земной
Мужество шло на костер.
Той, что осталась чиста и горда,
Слепой непокорна силе...
И нам, обреченным, казалось тогда,
Что это сама Россия.
Казалось, Россия пылала в костре,
Не вставшая на колени,
Россия, которую на заре
Назвал свободною Ленин.

1961 г.

* * *

Если первыми люди
тропу пробивают к богатствам
по безмолвной тайге,
по откосам хребтов каменистых,
если верят в победу
и трудных путей не боятся —
я уверен, что это идут коммунисты.

Если люди штурмуют⁵
просторов космических дали
и готовят маршруты,
чтобы ринуться к звездам лучистым,
если в сложной работе
не отступили, не сдали —
убежден я, что это и есть коммунисты,
Если люди уверены
и на крутых поворотах
крепко держат штурвал,
чтобы с верного курса не сбиться,
если светел их разум
и в качку не мучает рвота —
я уверен, что это они — коммунисты.
Если люди умело
обходят подводные мели
и при встрече со штормом
не ищут спокойную пристань,
если смело ведут
за собою к намеченной цели —
я уверен, что это ведут коммунисты.
Если люди без страха
любую опасность встречают,
и за мир на земле,
и за правду
стоят, словно горы, плечисты;
если, как за стеною,
спокойно за теми плечами —
я уверен, что это стоят коммунисты.
Если встретишь людей
с неподкупною совестью чистой,
с правдой Ленина в сердце,
отрешенных в борьбе за нее —
это гордость народа,
это совесть народа,
это знамя его — коммунисты.
Наше общее знамя
и твое,
и мое.

* * *

Я вам жить завещаю...
(«Я убит подо Ржевом».

А. Твардовский)

Узнаю тебя, друг,
по растоптанным и порыжелым,
по твоим сапожищам,
отмерившим сотни дорог
за себя и за тех,
кто остался лежать подо Ржевом,
кто на подступах к счастью
в семнадцатом лег.
Узнаю по ладоням,
за трудную жизнь отвердевшим,
по глазам,
ни в большом и ни в малом
не умеющим лгать,
по тому, как ни разу,
сославшись на климат на здешний,
не искал, как иные,
заморских земель благодать.
Да, и круто и солсно было.
Не баловал орс нас харчами.
Нас всегда провожали,
но никто и нигде не встречал.
Нам всегда было трудно,
но кто-то же должен вначале
проторить первопутки —
иначе бы не было в жизни начал.
Нас не надо скликать,
нас не надо просить под нажимом,
если городу встать
в самом сердце сибирской тайги.
Нет, недаром отцами
завещаны нам, одержимым,
телогрейки
да эти вот порыжелые сапоги.
И когда кто-то к слову заметит:
мол, хватит уже вам
и поселков, и шахт,
и протоптанных вами дорог, —

ты, всегда подотчетен
перед тем, кто убит подо Ржевом,
спросишь мысленно совесть:
а все ли я сделал, что мог?

1962 г.

* * *

Биография начиналась так:
В небо рвался багряный флаг,
Возвращались с гражданской бойцы —
Наши будущие отцы.
Нас рожали в голодный год,
Лишь бы только продолжить род.
Нас выхаживали с рожка —
Были матери без молока...
А потом у знамен отцов
Мы клялись не упасть в грязь лицом...
Биография начиналась так:
В день по восемь, по десять атак.
Биография начиналась так:
Со взрывчаткой бросались под танк.
А потом — медаль за Берлин.
А потом — цеха, корабли,
Новостройки в рабочих лесах,
Ветер поисков — в паруса...
Биография начиналась так:
Был рабочим столом верстак.
А потом — из житейских былин
Книжки тоненькой первый блин.
Мы писали стихи не для тех,
Кто живет только ради утех,
Ради модных штиблет и рубях
И усмешечки на губах.
Мы всем сердцем принадлежим
Только тем, кто мечтой одержим,
Только тем, кто всегда в пути,
Чтобы счастье для всех обрести.
Пусть у нас ни двора, ни кола —
Лишь бы Родина вечно жила,

Лишь бы в сердце — завет отцов,
Лишь бы встречный ветер — в лицо.
...И до самых седых волос
Мы работали на износ,
Не отсиживались в кустах:
Биография начиналась так!

1963 г.

* * *

Неотвратимо он приходит —
Тот, незаметный глазу, срок,
Когда вино свое отбродит
И выбьет пробку в потолок.
Замкнется цикл круговращения
И солнце, втиснутое в чан,
Отведав таинств превращения,
Вновь брызнет лезвием луча.
...Свершилась сложная работа —
Весь опыт, что вместила жизнь,
Рождает в первый раз и в сотый
Прозрение, отлитое в мысль.

1965 г.

К событиям в Пекине

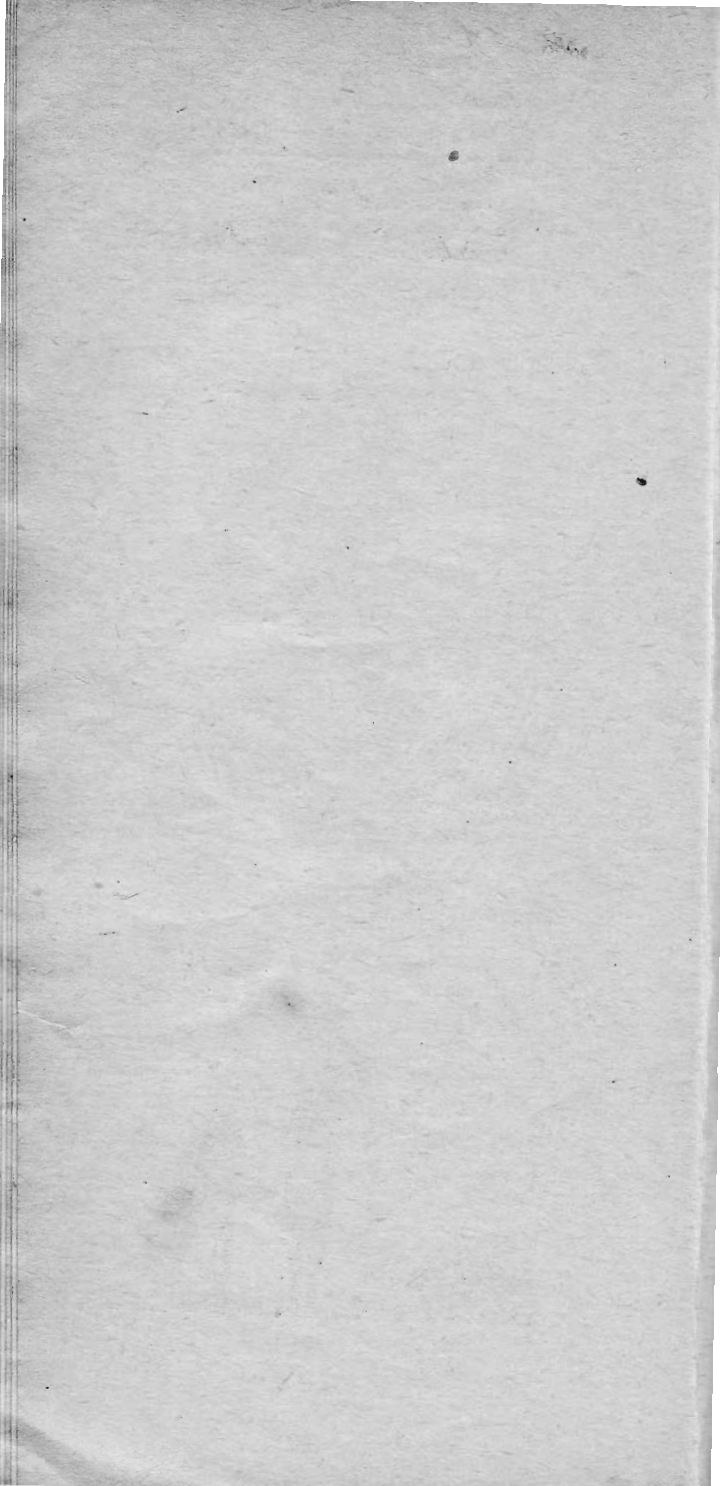
Жили в городе люди,
и каждый считал бесспорным,
что все они занимаются
нужным для города делом,
и если видели черное —
называли черным,
а если видели белое —
называли белым.

Но вдруг пришло указание,
все изменившее в корне.
В нем призывался каждый
стать принципиальным и смелым,
и то, что считалось белым, —
отныне должно стать черным,
а то, что считалось черным, —
отныне должно стать белым.
И люди ринулись срочно
перекрашивать стены и бороды,
рояли и катафалки,
ночное белье и души;
и только сыпал на улицы
черного-пречерного города
белый-пребелый снег,
указанию непослушен.
Но все понимали отлично,
что снег тот был нетипичным.
и на черной бумаге поэты
писали черным стихом,
что ночь — это день отныне,
и отрекались публично
от тех, кто думать иначе
отважился тайком.
А когда прозрели слепые,
а зрячим ходить надоело
по черному-пречерному городу
с завязанными глазами —
поступило с большим опозданием
новое указание:
черное считать почти черным,
И нынче, как ни стараются,
а белое считать почти белым.
как ни лезут из кожи,
люди не могут все-таки
уразуметь эту заумь.
И жизнь черно-белого города
стала очень похожа
на полицейскую палку
или дорожный шлагбаум.

КЛАДО- ИС- КАТЕЛИ

поэма

Глава первая

Весна!

Весна!

Душа зовет

Под птичий разговор

В долины рек,

На склоны гор,

Где старый друг Досан живет,

Где от людей земля таит

Богатства до сих пор...

Разведчиков не долг сбор:

Охалка карт,

Теодолит,

Лопата да топор,

Харчи в палатку завернуть —

И в дальний путь с утра...

Весна...

Чудесная пора...

Капелью постучится в грудь,

Чтоб лет пяток назад вернуть.

И старость — со двора...

А у причала — катера;

Друзья,

Подруги,

Детвора:

— Счастливый путь!

— Счастливый путь!

— Ни пуха, ни пера!

* * *

Дальних селений россыпь,

Лодки и невода,

Отмелей рыжие косы

Заплетает вода.
Легкой ряби полоска
Еле-еле жива,
В зеркале синего плеса --
Черемухи кружева.
В зелень луга одеты,
Песня плывет, как волна.
И за тайгою где-то
Гаснет, нас обогнав.
Жаркого солнца подсолнух
Обронил лепестки --
Затрепетали на волнах,
На палубе огоньки.
Лева, Володя, Сережа,
Нежат на солнце бока.
Хочется бронзовокожими
Стать, в пути пока...
Вместе с первой звездсю
Вспыхнул бакен-сигнальщик..
Эх, широко раздолье!
Только нам еще дальше:
Горная цепь голубая
Манит издалека,
Белую шапку Алтая
Кинув под облака.

* * *

На «монголок» свой скарб навьючив,
Пробираемся горными тропами.
А тропинка все круче, все круче,
Диким зверем едва протоптана.
Далеко еще до привала:
Гребень гор, ущелья да камень.
За крутым седым перевалом
Наш условный квартал изысканий.
Где-то в брод, где по жердочке шаткой
Разойдемся с речушкой встречной.
Впереди на косматой лошадке,
Проводник — Досан «бессердечный».
Намекнет Володя: — устали...

А Досан — козырьком ладошку,
Острым глазом окинет дали:
— Потерпи, осталось немножко.
Догорает закат румяный,
Облака чуть заметно окрашены.
У подножья горы безымянной
Вновь сверяемся с картами нашими.
Ставь палатки! Куда же лучше:
Озерко с камышами-ресницами,
И воркует студеной ключик:
«Не напиться ли? Не умыться ли?»
А по долу, по склонам горы
Поразостланы изумрудные
Разнотравных лугов ковры,
А под ними — сокровища рудные...

* * *

Ночь подползла,
Обступила костры;
Светлыми точками
Искорки кружатся;
Небо сверкает,
Все звезды открыв,
Песня летит
О Байкале, о мужестве:
«Эй, Баргузин,
Пошевеливай вал —
Молодцу плыть недалечко...»
Разве уснешь,
Если даже устал? —
Перед разведкой
Последняя ночка.
Негасимая трубка дымит.
От мечты не отделаться сразу.
Вот и Лена еще не спит,
И Сергей, и Досан черноглазый.
Хорошо бы узнать наперед:
Как-то справимся мы с задачей?
Что нам завтрашний день принесет
Трудный поиск? Радость удачи?

Глава вторая

Долина речки, склоны гор
В маршруте Задорожного.
Скрипит по камешкам подбор,
Походка — осторожная.
Идет заправский следопыт —
Дымок за папиросою —
Нет-нет на Лену поглядит
Не отстают курносая?
Бывалый парень — не впервой
Он в поисковой партии.
Для Лены он как рулевой:
То разъяснит по карте ей,
Где взял начало ручеек,
Где край болотной впадины,
То надоумит, чтоб чаек
На отдыхе наладила,
То минерал какой найдет —
И тут же с объяснением,
И между прочим, но ввернет,
Что сам он тоже в прошлый год
Открыл месторождение.
Любой вопрос — готов ответ
Для самого для сложного.
Растет,
Растет авторитет
Сережи Задорожного!
А честь какая!
В двадцать лет
С другим делиться опытом!
Приятно это, спору нет,
Но то беда, что хлопотно.
Сейчас свернуть бы в Черный лог,
Взнуздать бы славу звонкую!
Но что, но что он сделать мог
С обузою-девчонкою?

«...Хитер Петрович, словно знал
Мечту мою заранее,
И практикантку навязал,
И уточнил задание.

...А лог! В народе говорят:
Там сплошь одни сокровища,
Там что ни камень — то и клад...
А здесь? Напрасно роешься,
И вот иди теперь, топчись
Дорогой бесполезною,
Учи студентку, сам учись,
Ищи руду железную...»
Перекипит в душе Сергей —
И снова отошел:
Нет, как-никак, а все-же с ней
Сергею хорошо...

* * *

Крутой обрыв подмыт рекой,
Сползли откосы грудюю.
Копает Лена, где киркой,
Где заступом орудуя.
Сергей — по пояс догола,
Не оторвешь от заступа:
— Поищем, что тут за дела:
И ты ищи, глазастая.
«Чудной Сережка: то шутлив,
То грубоват, то молчалив...
Воображает, хвалится...
Нет, он еще исправится
И, может быть, понравится...»
Но мысль не к делу — просто так.
И вдруг лопата — звяк.
— Сережа, это гематит?
Ведь я не ошибаюсь? —
Сережа искоса глядит,
Почти не разгибаясь:
— Ну, гематит. А дальше что?
И думаешь, сокровище?
Вон их по берегу штук сто —
Твоих камней нестоящих.
Здесь, на Алтае, друг ты мой,
Следов железа мало ли?
Да я охотник-то другой —
За редкими металлами.

Петрович, помнишь, как сказал:
«Железо ищем планово,
А если никель на глаза
Иль камешек урановый,
Или других металлов след
В пути кому-то попадет —
Считайте выполненным в год
Заданье семи лет».

И вот представь, что мы с тобой
С такой задачей справимся!
Подумай-ка почет какой!
На всю страну прославимся!
Нет, геофизики не зря
Бродили здесь до ноября!
Пойдем?

Вот здесь, недалеко,
Есть баснословный лог.
Пробраться, правда, нелегко,
Но я б тебе помог...
Вишневый камень жжет ладонь,
Улыбка мигом прячется,
Обидно Лене — чужь затронь
И, кажется, расплачется:
— А наш маршрут?
— Да что маршрут —
Без нас другие здесь пройдут.
Кусает губы Лена:
«Нет...
Назад
От шага ложного...»
Ах, как упал авторитет
Сережи Задорожного.
В руке зажат руды кусок.
Глаза глядят с суровинкой;
Вздываясь, бьется голубок
На лыжной куртке новенькой.
— Не мне, Сергей, тебя учить...
Но ты не прав, Сережа.
Нам к ночи нужно исходить.
У склона все подножье —
Куда же след руды идет?
А лог потерпит, подождет...

— Вот завела. Руда! Руда!

Ну, что мне делать с нею?

Пойми, что это ерунда,

Что никель нам нужнее!

— Ах, так?

Так нужно и сказать,

Что хочешь стать...

старателем,

Украдкой никель поискать,

Как встарь кладоискатели!

— Ну, знаешь,

Нам не по пути,

Елена Афанасьевна!

Вернешься в лагерь — не плети

Петровичу напраслины!

Взял гимнастерку, зашагал,

Запел подбор безжалостно:

«Попр-робуй-ка пож-жалуйся».

— Скажи на милость, напугал!

Ну и беги, пожалуйста!

Глава третья

В синих сумерках скрылись

Тайга и гольцы,

Ярким бисером звездным

Расшит небосвод.

Возвращаются в лагерь разведчики;

Словно бойцы,

Только вместо живых «языков»

Рюкзаки с образцами пород.

Хорошо у костра.

Пахнет дымом смолистым чаек.

Круг товарищей жметя

В беседке живой

К огоньку.

Только где же Сережа?

Увлекся и Лену увлек.

Неужели находка?

Везет пареньку.

* * *

Губы потрескались, запеклись,
Содрано в кровь колено.
Сядь, отдохни, отвлекись,
Лена.

Перевяжи на руках волдыри,
Больно же, больно очень.
Время идет, посмотри,
к ночи.

Завтра, как только спадет роса;
Вернешься вместе с друзьями...
Нет же, нашла коса
на камень.

Разве можно сесть, отдохнуть,
Коль угадала едва лишь
Будущей лавы грудь —
залежь?

Некому ни подсказать,
Ни помочь...
«Да что я — девочка, что ли?
Не до тебя мне, ночь,
и не до боли».

Пот по лицу размазан с землей,
Гнус беспощадный лезет.
Не до этого.
Мысли ее

о железе.

Вот и последний удар киркой,
Последняя запись в блокнот.
И на душе легко-легко,
Сердце поет.
Нет усталости, легок шаг,
Ветер заигрывает в пути.
«Если бы всю жизнь вот так
идти».

* * *

Но вот — примеченные места,
А балка вроде бы и не та...

И, как назло, до чего ж густа
Таежная темнота.
Положит мохнатую лапу ель
На дрогнувшее плечо,
То руку в силки поймает хмель,
То подножку подставит сучок,
То звезды в чащобе, и не постичь.
Откуда они взялись...
Может, филин заметил дичь,
Может быть, — рысь...
Трудно шагать. Берег покат.
Скользит по камню нога.
«Неужели я иду наугад?»
Но равнодушно шумит река,
Зловеще притихла тайга.
И дальше ходу как будто нет:
Утес прижался к воде.
«Неужели я потеряла след?»
Надо ж случиться беде...
Почему ты не здесь?
Сергей, Сергей...
Было бы так легко...
Неужели дорога твоя от моей
Прошла далеко?..»

Глава четвертая

Едва проснется,
Бирюзой
И золотом расцвечен,
Восход,
А горною тропой
Геологоразведчик
Идет
И знаками веков,
Как песней, очарован,
Находит место тайников
Под каменным покровом.
Взял пробу у подножья скал —
На камне блески-шлихи.

«Опять не то, что я искал...
Слюда...
Но где же никель?!»

Почти не спал, устал Сергей.
Идет, глаза слипаются.
«Напасть на след бы поскорей,
Так нет, не попадается...»
А усталость клонит ко сну.
«Все равно не усну...
Вернуться в лагерь?
Засмеют.
Потом иди доказывай,
Что ты — Сергей, а не верблюд.
Нет, нет, без никелевых руд
Назад пути заказаны». »
А усталость клонит ко сну,
«Упаду — не усну...»
Заносит сердце, защежит:
«За что обидел девушку?
Вернуться в лагерь?
Не простит.
А может быть?...
А где уж там...»
А усталость клонит ко сну.
И сквозь сон: «Не усну...»

* * *

Приснился сон:
...Подножье скал
На камне блески-шлихи.
Ага, не зря же я искал!
Неужто никель?!
Никель!..
Бежит по камешкам ручей,
Устал, покрылся пеной,
От склада связкою ключей
Гремит...
А где же Лена?
Почему ты сомневалась?

Я же не солгал.
Не об этом ли мечталось?
Вот он — мой металл!
Вот они — ключи от клада,
Для тебя нашел!
Не ругай меня, не надо.
Хорошо?..
А ручей торопился,
На весь край раззвонился:
Дескать, вот человек проник
В наши дебри глухие,
В наши горы крутые,
И открыл дорогой тайник!
Прилетела напиток
Молодая орлица —
Он и ей на ушко шепнул.
И над краем, как птица,
Весть крылатая мчится,
А вдали нарастает гул.
Как седая старуха,
Хмурит брови Белуха,
Потемнел на плечах ее снег.
И лавиной могучей
В битву двинулись тучи,
И грохочет в утесах смех:
— Ха-ха-ха, прихожалый!
Не осилишь, пожалуй!
Потягаемся — чья возьмет?
Вместо нашего клада
Ты получишь в награду
Наших молний и ветра взлет!
Стонет Алтай:
— Ключи отдай!
А по ущелью, зажатый тисками,
Ветер хрипит, бьется о камень.
Стонет Алтай:
— Отдай!
Отдай!
Словно на крышу железную падая,
Огненной саблей рассечено надвое,
Рушится поднебесище...
Проснулся Сергей —

Не поймет, хоть убей:
Быль?
Или сон не весь еще?

* * *

Спешит Сергей
(Что ж, клад, прости),
Едва земли касается —
Скорей бы ноги унести,
Не только что прославиться.
Кто-кто, а он-то уж знавал:
Гроза не вдруг кончается —
Когда еще девятый вал
По соснам закачается.
Спешит Сергей; аж чуб намок
(Где норов заковыристый!)
Один со скрипом был сапог,
И тот молчит от сырости.
Спешит Сергей,
А рядом вскачь
Летят потоки горные:
«Ну, что, попробовал, лихач,
Сокровищ лога Черного?»
И вдруг, как вкопанный, застыл,
Как будто перед ямою
(А ветер с корнем рвет кусты,
Деревья гнет упрямые):
«А ну как с Леною беда?
Зверье... Тайга болотная...
Вдруг заблудилась? Что тогда?
Погибнет желторотая...»
А сердце, сердце тут как тут —
Все выдало, как водится:
Дороже самых редких руд
Она ему приходится.
Прошел по сердцу холодок
И льдинкой лег под ложечкой:
«Давай, давай, ходи, ходок, —
Теперь уже немножечко».
Вот и крутой скалы ступень,

И, злым дождем исхлестанный,
Стоит в папахе набекрень
Столетний кедр с березками.
Рвет ураган листву с берез:
«У-у, не лезьте на утес!»
Дрожат продутые до слез
Сквозь реденькие платыца —
За дерзость свою платятся.
А вот обрыв
Подмыт рекой.
Сползли откосы грудюю.
Сергей аж обмер — сам не свой:
Алеет залежь рудная,
По закопушкам там и сям
Пласты руды подсечены,
И все (как будто делал сам).
Все кольями помечено!
А Лены нет, и след простыл.
«Ушла, ушла везучая...
Ну, факт, вчера еще... А ты
Петляй тут лишку три версты.
Эх, тряпка, рыцарь случая...»
И так неловко на душе —
Стоит Сергей, смущается.
Да что мне Лена?
И вообще,
Подумаешь, красавица...
Вот разве залежь проморгал...
Но леший с ней, с находкою...»
Приободрился, зашагал
Беспечною походкою.
А ветер свищет, хлещет дождь,
В логах воды до пояса.
Такой дорожкой пройдешь —
Невольно успокоишься.
Редют листья.
Под сосной
Прядут ушами лошади.
Бушует ветер, как шальной,
В палатки бьет ладошами.
Клокочет гневно озерко,
Камыш по ветру стелется.

Сергей к палатке прямоком,
А внутрь — не осмелится.
Из-под брезента слышен бас:
— Придут они. Не в первый раз... —
Сергей с досады сжал лицо —
Пылает под ладонями:
«Хорош...»
Явился молодцом...
Эх, чертова чалдония...»
Рванул в сердцах с плеча рюкзак:
«Ну, где ж она шатается?...»
Поймал «монголку» кое-как:
«А ну, зверюга, шире шаг, —
Судьба моя решается!»

Глава пятая

Над угасшим костром чуть курится дымок,
Занимается зорька, редеют туманы...
Если ты не таежник — тебе невдомек:
Отчего не шумят кедрачи-великаны,
Отчего присмирившими сосны стоят,
Словно важное что-то боятся прослушать,
И в распадках, что темень ночную таят,
Чуткий зверь тишину не решится нарушить...
Торжество тишины... Но еще через миг
Передразнит дрозда вездесущая сойка,
Между кочек устроится с флейтой кулик,
И скрипачки-синицы проверят настройку;
Дикий голубь для пробы продует фагот,
И еловка-зурнистка займет свое место, —
Все спешат лучезарного солнца восход
Встретить гимном лесного оркестра...
Если ты жизнелюб, хоть на миг задержишь,
И тебе передастся той песни волнение.
Это гимн, прославляющий радость и жизнь,
Гимн рождению дня, торжеству пробужденья...
Вслед за песней лесной, пробежав по листве,
Первый луч осмелел, соскользнул на лужайку,
Искры бусин-росинок в траве,

Обронил на болоте зеркального зайку,
Под сосною ощупал железку ремня,
Глубка из пластмассы, каштановый локоп,
Прикоснулся к ресницам: «Вы ждали меня?»
И веснушки зажег на щеке ненароком.
И как будто заря позстречалась с зарей —
Зорька девичьих глаз и восход ясноглазый, —
И глядят, как над мирной алтайской землей
Поднебесной Белухи сверкают алмазы...

* * *

И у нас в Сибири есть девчата —
Песенных южанок озорней...
Ходит по-над Обью доля чья-то,
Завладев сердцами всех парней;
Улыбнется — сон отнимет на год,
Поцелует — душу отберет,
И глядишь, какой-нибудь бедняга
Караулит счастье у ворот.
А его на вечер не хватило:
— Улыбалась? Я же пошутила.
Целовалась? Я же невзначай.
Заня, милый, ты уж не серчай...
Без такой и праздник — не гулянье,
Хоровод не тот и круг — не круг,
Ни «подгорной» нет и ни «страданья»,
И трехрядка валится из рук.
А певица — лучшей нету в мире!
А шутница — век не повстречаты!
Только больше все-таки в Сибири
Не таких — совсем иных девчат.
Не ищи плясунью, балагурку
С быстрым и веселым говорком —
С детских лет снегурочка, снегурка —
И теперь с сибирским холедком.
Но зажги такую жарким делом —
Разгорится пламя высоко,
Даже самым сильным, самым смелым
За такой угнаться не легко...
Нужно было -- танки в бой водила,

Выносила из огня солдат,
Сталь варила, хлебом фронт кормила,
И влюблялась если — навсегда.
Нужно стало — молодые руки
Управляют краном в вышине,
И надежней не найти подруги
В жаркую весну на целине.
Нужно будет — заявлю печатно! —
Новые планеты открывать —
И у нас в Сибири есть девчата,
Что не прочь на Марсе побывать.
Нет, не лавры наперед итога,
Уходила Лена в поиск руд —
И ее и техника Сережу
Ждал таежный, терпеливый труд.
И успехом, нет, не загордилась,
Даже чуть всплакнула у огня:
«Надо ж, как девчонка, заблудилась.
Горе — не геолог из меня...»
Не спала б — взяла свое усталость.
Но сейчас, когда пылал рассвет,
Балка, что у лагеря кончалась,
Вот она — и часа ходу нет.
И тревога разом позабылась —
Как не улыбнуться, все поняв:
«Надо же, в трех соснах заблудилась!
Вот уж угораздило меня!..»
В миг рассталась с курткой, с башмаками.
Хорошо прогнать остатки сна,
Прыгнуть в воду — брызги огоньками:
«Ой, ну до чего же холодна!»
(А река — не то что каждый камень,
Галечка на дне ее видна!)
Наплескалась вволю — и за дело:
Навела порядок в рюкзаке,
Образцы еще раз просмотрела,
Записи в рабочем дневнике.
Вспомнила с обидою Сергея:
«Дался ж человеку Черный лог...
Загорелось! Будто бы позднее
Он со мной пойти туда не мог...»
И пока на огоньке несмелом

К завтраку поспеет кипяток,
Как в пути, бывало, между делом,
Принялась за боевой листок.
Жаль, что подходящей нет бумаги,
Но Сергей похож — и вид и рост,
В образе старателя-бродяги
Со стремянки ловит блески звезд.
Вихорок упрямый на макушке,
Лавровый венок над головой.
Под рисунком бойкие частушки —
Хоть бери да под гармошку пой:

«С неба звезды невозможно
Даже летчику достать,
Лишь Сережа Задорожный
«Звездохватом» хочет стать.
Металлурги-кузнечане
Нам предъявят скоро счет,
А Сергея — вот страданье —
Не в ту сторону влечет:
— Что мне общее задание —
Общей славы общий счет?!
При моем высоком званье —
Персональный, да почет!»

* * *

Но и знать не знал редактор,
Что спасется новым фактом
От сатиры полевой
Несознательный герой,
Что хвастлив он, да не очень,
Что плохой он, да не весь,
Что не спать ему две ночи,
И три дня — не пить, не есть...
Жаль не то, что рисовала —
Потеряла полчаса:
Из-за дальних перевалов —
Черной тучи паруса;
Ближе, ближе всплески молний.
Потемнело все кругом,
Артиллерией тяжелой

Сотрясает землю гром.
Ветерок, что незаметно
Чуть листвою шелестел,
Обернулся диким ветром,
На деревья налетел...
Чай душистый, чай отменный —
В пору завтракать присесть, —
Но куда там, рвется Лена:
Улепетывай как есть!
Отошла с полкилометра —
Ливень, вот он, тут как тут.
Хорошо еще, от ветра
Под скалой нашла приют.
Час, другой, а дождь все тот же.
«Дождик, дождик, перестань...
Где же ты застал Сережу —
Спал, небось, в такую рань?..»
А дождю никак нейдет:
Зарядил — не переждешь.
«Промочиться вам придется» —
Выговаривает дождь.
Сколько шла — не помнит Лена.
До палаток долог путь.
Где болотом по колено,
Где ползком, где вброд по грудь.
Но пришла. И так обидно,
Даже слезы на глазах:
«Здесь Сергей... Давно уж, видно.
Вон лежит его рюкзак.
Выйти встретить не изволил.
Тоже, друг. Помог в беде...
Но рюкзак-то в чистом поле,
Не в палатке — на дожде...
Что ж случилось?..»
А навстречу:
— Что случилось?
— Где Сергей?
Тормошат, трясут за плечи:
— Ну, рассказывай скорей!

Глава шестая

Три дня грохочет по горам,
Беснуясь, ураган.
Клубятся тучи вслед ветрам
В соседний Казахстан.
Два дня отряд в горах идет,
Как по тревоге взвод,
И Лене кажется, вот-вот
Споткнется, упадет;
То буреломы, то ручьи —
Дорога все трудней.
— Досан, а ну-ка покричи.
— Э-гей!
— Серге-ей!
— Э-гей!
За воротник вода течет
И пробирает дрожь —
Волнение, что ли, знать дает
Или холодный дождь?
Исхлестан ветром и дождем,
Досан идет вперед.
— Не бойся, девочка, найдем!
Такой не пропадет!.. —
А дождь сильней, а ветер злей —
Свирепствует Алтай,
Сухого места на земле
Не сыщешь на весь край.
— Досан, смотри...
А в горле ком.
Под грудю камней
Лежит Сергей,
Упал ничком...
— Досан, смотри! Сергей!
— Постой, постой, не горячись,
Давай-ка, помогай.
— А ну, Сережа, повернись.
Вот так...
Бинты давай.
Досан по виду грубоват,
А сам не меньше Лены рад.
Одно произношение

И выдает волнение:

— Плечо немножко разбивал.

Сейчас завяжем...

Во-от...

Со мной такой не раз бывал —

До свадьбы заживет.

Зачем волнуешься, смешной,

Бывает в жизни так.

Ты привыкай — твой путь большой.

Бери-ка, вот, рюкзак...

А дождь утих, и ветер спал,

И небо враз светлее —

Алтай как будто понимал,

Что человек сильнее.

* * *

Впереди,

Как обычно,

Бригада Рудого —

У Досана

И скважины глубже,

И грунт поплотнее,

И от Лены услышать

Похвальное слово

Не Досану, пожалуй, —

Рудому важнее.

С каждой скважиной,

С каждым комком на лопате

Контур залежи четче становится,

Карта — понятней.

Так поэма рождается —

Слово за словом,

Так и жизнь —

День за днем —

Нам разведать дано,

Так ученый приходит

К открытиям новым,

Так художник —

Мазок за мазком —

Создает полотно.

Но не сразу дается
Нам в руки богатство.
То, что Лена нашла, —
Лишь вступленье в большие дела.
В геологии гор нелегко разобраться.
А разведка пока что
Очень мало дала.
У костра не поется,
И сон необычно тревожен.
Просмотрев образцы
И наметив маршруты,
Мы над картой склоняемся с Леной,
Заходим проведать Сережу,
И с упрямою верой в успех
Засыпаем под утро.

* * *

Два дня Сергей лежал пластом,
Не открывая глаз.
То дышит хрипло и с трудом,
То бредит каждый час:
— Пустите...
Трудно мне...
Обвал...
Ох, как шумит в ушах...
То вскрикнет,
Будто бы упал,
То смолкнет, не дыша,
То порывается вдруг встать:
— Не трожь рюкзак!
Не трожь!
Там образцы...
Не потерять...
Нет, смерть,
Не сдамся, врешь!..
У изголовья день и ночь
Дежурит кто-нибудь.
Зайдут бурильщики: «Помочь?»
На что Рудой на друга злой —
И тот собрался в путь:

«Схожу за фельдшером в аймак»
Отговорил Досан:
«Два дня пути? Не ладно так.
Ты нужен здесь. Я сам».
А молодость свое берет.
Потуже бинт, покрепче йод —
И, коль друзья со всех сторон,
К чему пенициллин?
Такого парня крепкий сон
Надежно исцелит.
И вот приезжий эскулап
С усмешкой ус жует:
— Что ж, если так пойдут дела —
До свадьбы заживет!

* * *

Никогда так щеки не жег стыд,
Никогда не прятал глаза...
Похудевшая Лена рядом сидит.
Что ей сказать?
«Прости»?
Разве в этом слове все?
Разве выскажешь ей,
Как совесть пиявкой сердце сосет —
Больного больней?..
— Лена, послушай...
— Молчи. Потом.
Не надо. Ты нездоров.
Зайдет Рудой, обожжет, как кнутом,
Взглядом одним без слов.
Тяжело...
— Лена, вот... рабочий дневник...
Передашь Петровичу, хорошо?
На вершине горы, где кедр-старик,
Я валун гематита нашел...
Связь с твоею находкой?..
Или другой?..
Думал об этом весь день я...
Понимаешь, мне кажется, за рекой
Основное месторождение.

* * *

Настал желанный перелом:
Сережа спал здоровым сном,
А рано по утрам,
Вооружившись топором,
Ходил готовить бурелом
Для жаркого костра,
А тот, кто знал (а кто не знал!),
Тот видел все и понимал:
Будь руки Лены погрубей,
Будь сердце Лены холодней —
Когда б ты встал, Сергей?

Глава седьмая

Сергей был прав: пришла пора
Прощупать берег правый...
Звонят удары топора
Над новой переправой.
Бревно смолистое к бревну —
И плот готов на славу,
Такой корабль, что ай да ну,
Хоть вокруг света плавай.
Сергей за шест — давай ломать
На тысячи осколков
Остекленевшей речки гладь,
Как ледакол.
Да только
Он не сменял бы этот плот
На «Ермака» и «Красина»,
Поскольку вместе с ним плывет
Елена Афанасьевна...

Волна лениво шевелит
Рудого отражение —
Стоит Володя на мели:
«Да, брат,
Вот положение...»
А чуть поодаль стайка рыб

Как будто ждет ответа:
С чего бы хмур он? От жары?
Или к дождю примета?
Досадно парню: «Экий тип —
И, на тебе, внимание...»
— Эй! На пароме! Чтоб к шести
Вернулись на собрание!

* * *

Лучше б кто-то ударил,
Обрушился крепкою бранью...
Нет,
Никто не ругает,
Не собирается бить.
И, как совесть твоя,
Только правду должно знать собрание —
Перед ним невозможно
Душой покривить.
Сводит брови Сергей,
Поправляет значок на фуражке.
Тихо.
Слышно, как дятлы стучат,
Коростель заскрипел в камышах,
Бьется ключик в овражке...
А товарищи ждут
И молчат...
Ветер шепчется в листьях,
Шуршат ковыли в чистом поле;
В золотой паутине
Запуталось солнце...
Закат...
Тихо.
Слышно: колотится сердце,
Сжимаясь от боли.
А товарищи ждут
И молчат...
— Я
Оставил
Товарища...
Я до конца испытал,

Как суровая жизнь
Сводит счеты за это в отместку,
Как сверяется дружба,
Как самый редчайший металл
По сравнению с нею
Становится ржавой железкой...
На висках у Сергея
Тревожно пульсируют вены.
Не спасает загар —
Проступает непрошено краска;
«Говори, говори же смелее, —
Читает в глазах он у Лены, —
Ничего не скрывай», —
Просит взгляд ее властно.
— Я оставил работу...
Ну, в общем... за славой погнался.
Понимаю: не прав,
Оправданья мне нету...
Но, товарищи,
Если бы я

в комсомоле остался —

Я трудом доказал бы
Право на это...
— Та-ак, —
Поднялся Рудой, —
Я считаю, мы тоже имеем
И свое самолюбие
И свой характер,
И тоже — крутой...
И поступок Сергея
Оценить мы сумеем.
Он, смотрите, —
Загнул первый палец Рудой, —
Отказался от главной задачи,
Поставленной перед разведкой.
Саботажник, товарищи,
Море ему по колено!
Никель, видишь ли, нужен,
Чтоб лето считать семилеткой!
И пошел, и пошел...
Глянет мельком на Лену:
Не Сергея — ее обижают слова.

Обидно Рудому: «Смотри, какова!»
Загнет новый палец, посмотрит построже.
И новое слово, как камень положит:
— ...А лошадь, товарищи?
Загнал. Околела.
А это, товарищи, уголовное дело!..
Я думаю, выражу общую волю:
Такому не место у нас в комсомоле!
Разошелся Володя —
Горазд он на хлесткие речи, —
Даже реплик не слышит:
— Неверно!
— Хватил!
— Формалист!
Не сдержалась и Лена:
— Не верю, что ты бессердечен!
Уронила, волнуясь,
Протокола исписанный лист.
— Я тебя понимаю...
Но можно ли с совестью чистой
Так вот, взмахом,
Товарищу жизнь исковеркать?
И Досан и Петрович —
Они коммунисты,
Но они не подходят с такою вот меркой...
Я считаю, —
Спокойно закончила Лена, —
Что поступок Сергея
Не так нужно мерить.
Чтоб он знал нашу силу —
Наказать непременно,
А его обещанье —
На деле проверить...

Глава восьмая

Обратный путь еще не скор.
Спешишь, чего-то ждешь.
Осенний ветер веет с гор,
Подхлестывая дождь.

Березке золота не жаль —
Роняет лист, другой...
Молочной дымкой скрыта даль
Над хмурою тайгой...

Прощай, Досан, сердечный друг,
Охотник, проводник,
Прощайте, горы, что вокруг,
Озера, кедр-старик.

Прощай, любимый наш Алтай,
Да не серчай на нас —
Весною снова ожидай!
— Прощайте!
— В добрый час!

* * *

Туман по утрам над рекою клубится,
Но стоит лишь солнцу пригреть —
В прокуренном кубрике нам не сидится,
Выходим на палубу петь.
А катер всей грудью своей богатырской
Взлететь над волною готов.
За поворотом — город сибирский,
Причалы, арки мостов...
Навстречу — друзья, детвора и подруги,
Навстречу с цветами тянутся руки...
В сиянье улыбок — ну как не узнать ей
Любимого с детства лица —
Шла мама в том самом праздничном платье,
В котором встречала отца.
И Лена бежит по пружинящим сходам.
— Сорвешься, коза!
— Не беда!
И, кажется, радостней дня, чем сегодня,
Не знала она никогда.
И слов не найти, только дрогнули губы,
И мама, спокойна на взгляд,
Припала лицом к лыжной курточке грубой,
И только сердца говорят...

На скольких вокзалах,
На скольких причалах
(У многих удел этот был)
Она провожала
И снова встречала
Искателя светлой судьбы.
И снова слезинка, и трудно сдержаться:
— Отец бы гордился тобой...
Но холмик сибирского рудознатца
Затерян над Волгой-рекой...
Стоит в ожиданье смущенный Сережа,
Такой присмиривший вдруг.
— А это, доченька милая, кто же?
— А это Сережа... друг...

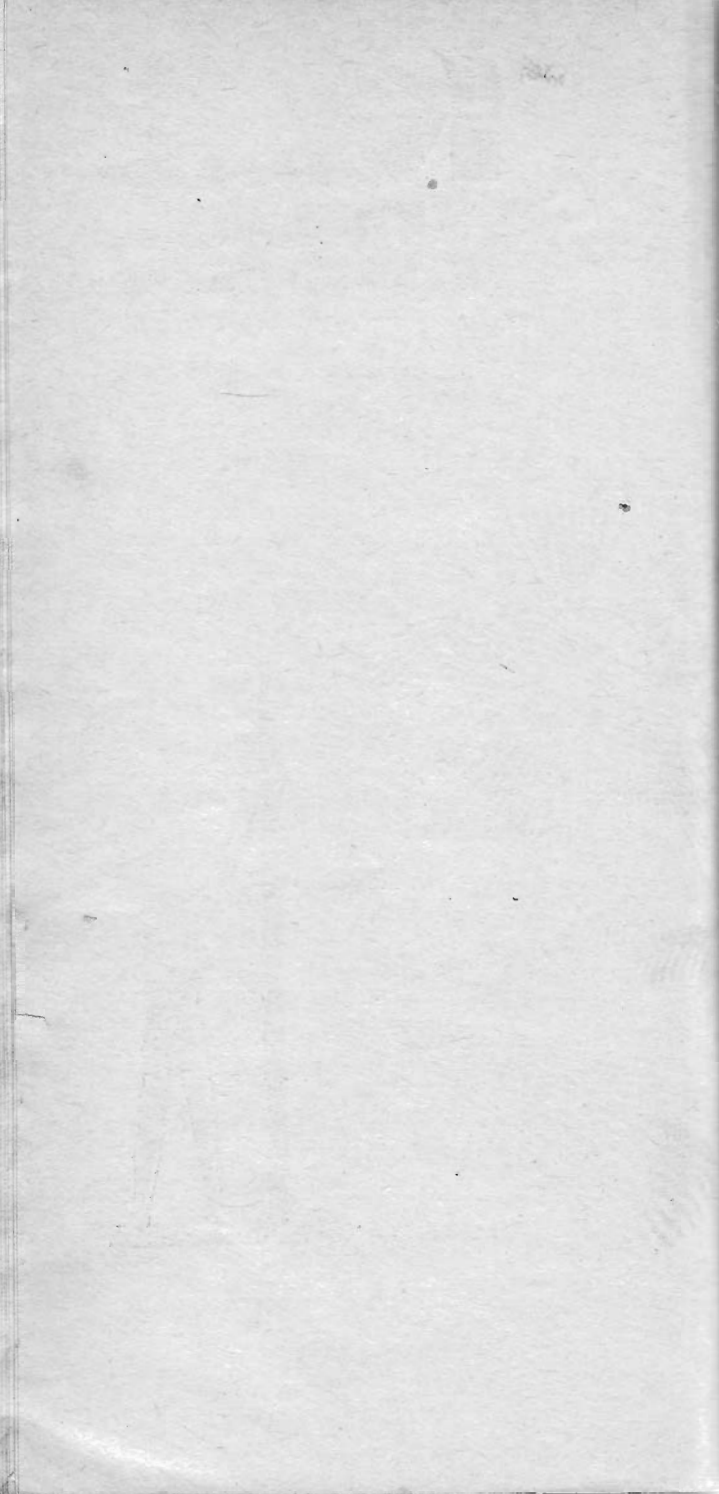
* * *

...Тетради записок,
Пометок скорых,
Карт черновых рулоны,
Угля куски,
Минералов ворох,
Снимки разведанных склонов —
Все на столе:
Весь богатый край.
Вместе с сынишкой роешься:
— Ну, разбойник,
Давай помогай,
Для тебя искали сокровища.
А он
С ногами забрался на стул,
Взгляд — до чего ж внимателен.
Молвит:
— И я,
Когда подрасту,
Буду кладоискателем.

КРАС- НАЯ ГОРКА

поэма

Глава первая

Паромы...

Верная примета,

Что вслед за ними быть мостам.

Ну, а пока по тем местам

Троса шлифуются все лето.

А сколько песен перепето,

А сколько дружб возникло там!

Нет бойче места, чем причалы.

Машин собьется — больше ста!

Для интереса, для начала

Пройди колонну до хвоста.

Костры и шум разноголосый,

Там анекдот из уст в уста,

Там с детворой светловолосой

Плотву таскает парень рослый,

Там старожил, вконец устав,

Все отвечает на вопросы:

— Ну, как там — новые места?..

Спешат строители, шахтеры —

Когда-то ляжет первый рельс!

И не сочтешь уже, который

Паромщик сделал нынче рейс.

Спешит — ему своя забота —

И тот, вербованный, народ

(Название выдумал же кто-то!),

Что вездесущ — была б работа,

Да длинный рубль,

Да в чем-то льгота —

И через Томь прошел бы вброд...

Взглянуть на план —

Все было просто

И все понятно было тут:

Дороги веером от моста
К забоям будущим ведут,
И уголек высокой пробы —
Пласты к пластам — на сотни лет!
А вот пройди к нему с дорогой,
А вот возьми его попробуй,
Когда дороги этой нет!..

Паромы...

Есть своя в них прелесть...
Запомнил Костя перевоз,
Где, шелохнуться не осмелясь,
Одним плащом с Аленкой грелись,
Пока скользил по блоку трос.

Апрельский ветер дул студеный,
Со свистом кланялась лоза,
И Томь была такой бездонной —
Точь-в-точь Аленкины глаза.
То пронесет обломок льдины,
Нахмурится — куда с добром! —
То робко где-то с середины
Займетя светлым серебром;
То снова закипит от ветра,
Обдаст огнем холодных брызг.
И темная волна в полметра
Разбить паром готова вдрызг...
Всего-то было разговору:
Куда, откуда и зачем?
Хотя и думалось шоферу
Совсем иных коснуться тем.
Но тут он — знаю по себе я, —
Поймав настороженный взгляд,
Должно смущаясь и робея,
Завел о чем-то невпопад.
Что тоже, мол, не к теще в гости,
Что третий год он здесь шофер,
И даже вырвалось у Кости,
Что не женат он до сих пор.

И может, разговор окольный
Так и прошел бы без следа,

Когда б о девушке невольно
Не думал Костя икогда.
Перед глазами и поныне
Стоит она как в первый раз
С литыми косами тугими,
С живыми васильками глаз.
Стоит той сказочной Аленой,
С душой, открытой всем ветрам,
Еще ничем не опаленной,
Еще ничем не замутненной,
С такой, как росы по утрам...

А день зовет от тех раздумий,
Июльским солнцем залитой,
Весь в напряженье, в звоне, в шуме,
В прозрачной дымке золотой.
От гор, поднявших величаво
Крутые склоны над Усой,
Где облака берут начало
Еще туманом и росой,
До гор Притомского заречья
Столкнулись, как в бою враги,
Задор и воля человечья
С коварством топи вековой,
С упорством камня и тайги.

Где край строительной площадки?
Попробуй нынче разберись!
Там экскаваторов десятки,
Там облака, покинув высь,
На стрелы кранов оперлись;
Там взрывов черные фонтаны;
Там гром дробилок, пенье пил;
Там взвод девчонок приступил
К укладке бута в котлованы,
А там дошло уж до стропил,
А там «Дай копоты, ребята!» —
Шумит Гордеич шоферне,
И приседает экскаватор,
Вгрызаясь в грунт, — стена к стене,
И все — механик и ребята —
Во власти праздника труда,

И даже — чудо! — иногда
В руках ленивого Липата
Нет-нет взиграет вдруг лопата,
И с маху камень в пол-охвата
Взлетает черт его куда!

С утра опять к отсыпке дамбы
Приписан Костин самосвал.
Растет над Томью грозный вал,
Довольны Костею прорабы,
А он не слышит их похвал
И все вздыхает: «Эх, тогда бы
Сказать ей все.

Эх, сплоховал...»

Конечно, мог бы в общежитье
К ней заглянуть. Но вот беда —
Девчонка больно уж горда.
А коли так, то хоть вяжите: »
Чтоб к ней с поклоном? Никогда!

Но как бы там он не бодрился,
А грусть опять свое брала.
«И надо ж, этак забурился
По самый дифер. Вот дела!»
И, если разобраться тонко,
Была причина грусти той;
Поскольку, слышал он, Аленка
Уже заметила миленка,
Да и миленок не простой!
Попробуй с ним ты повстречайся,
Поговори-ка от души,
Когда он сам — твое начальство,
Антон Степанович Лапшин!..

Последний рейс. К исходу смена.
В костре зари сгорает лес,
В логах чернея постепенно.
«Зайду к Аленке непременно», —
Решает Костя наконец.
Последний рейс.
Хоть все не ново —

Там газу дай, там — тормоза,
Но из-под чуба смоляного
Сторожко щурятся глаза.
Работа будто бы привычна,
А руки будто на весу,
А вот, поди ж ты, недосуг
Смахнуть и пот, что неприлично
Сверкает где-то на носу...

«Пусть знает все —
Что жить без встреч с ней
Я не могу.
Что все решил,
Что я совсем не «каждый встречный»,
И что за гусь — Антон Лапшин.
А гордость снова:
«Где ж твой норов?
Ты обо мне-то забыл?»
От этих внутренних раздоров
Водитель Константин Егоров,
Как говорят среди шоферов,
Сорвался все-таки с резьбы.

* * *

Уже с масленкой неизменной
Нерасторопный с виду Влас
Весь экскаватор перед сменой
Пообошел последний раз,
И Петр Гордеич с Шаповалом —
Со сменщиком своим бывалым —
Сел напоследок покурить,
И Глеб с попутным самосвалом
Приехал в срок — что не бывало —
Липата, нижника, сменить.
Уже шоферы, как начальство,
Вели осмотр своих машин,
Как вдруг в забой зайти решил —
Что приключалось с ним не часто —
Антон Степанович Лапшин.

Обычно час его приезда,
Кто помнит, был, как артналет,
Даст указаний строгих бездну,
Потуже «гайки подвернет»,
И то не так, и то не эдак.
И темп не тот, и сгоряча
Пообещает напоследок
Прорабу всыпать «строгача».
Не грех, что сам его внучатам
Он ровня был иль старше чуть,
Любил внушить, в чем власти суть,
И даже словом непечатным
При этом запросто блеснуть.
Вспылит, как вихрь,
Закрутит лихо.
И вот уж след его простыл.
И до того вдруг станет тихо,
Как после фронта дальний тыл.

Нет, не скажи, по всем приметам
Он не таков был, наш герой,
Что к тридцати по кабинетам
Заводят стойкий гемсррой.
Нет, он масштабней, колоритней,
Он вровень с временем плывет;
Защитник новшеств и открытий,
Сам что-то сделает вот-вот.
Не раб бумажек и конторы,
Он смел и дерзок был подчас.
На жизнь, на Маркса и на вас
Имел свой взгляд, вступая в споры,
И анекдотец про запас,
В иное время за который
Засняли б в профиль и в анфас
И — марш в те самые просторы,
Где и Макар телят не пас.
Он на леса умел взбираться,
Раствор цементный в руки брал,
Зачем-то нюхал, растирал,
И, чтоб попроще показаться,
Говаривал: «Здорово, братцы!»,
Как стародавний генерал.

За нрав напористый, за смелость
Его бросали, так сказать,
Туда, где надобность имелась
И вдохновить, и поднажать.
И пусть для доброго почина
Причин достаточно иных,
Растет порою беспричинно
И крепнет слава лапшиных.
Растет, как снежный ком огромный,
И хоть ты сам его скатал,
Ты удивлен: как невесомый
Такой машиною вдруг стал?..

Вот и сегодня всем на диво
Лапшин небрежно-деловит.
Заслушав рапорт бригадира,
— Здорово, братцы! — говорит.
Доволен: вся бригада в сборе,
И начинает разговор
О том, что весь участок вскоре
Пойдет на штурм заречных гор.
— На Красной, видите, всех выше?
Уже сегодня валят лес.
А нам дорогу делать, вскрыши;
Создать, хоть времени в обрез,
Крупнейший угольный разрез...
И вот в разгар беседы этой,
Вцепившись в ободок руля,
Гремя, сигнали и пыля,
Влетел в карьер шальной кометой
Наш Костя, как лихач отпетый.
Казалось, не было б кювета —
Ушла б из-под колес земля.

* * *

Нет, как-никак, а состраданья
Не жди, коль угадал в кювет.
Ну что ты скажешь в оправданье?
Мол, торопился на свиданье?
Бьюсь об заклад, не скажешь, нет!

И как ни жаль беднягу Костю,
А все ж и в этом был резон,
Когда Лапшин вскипел со злостью:
— Ты что, влюблен или хмелен?!

В минуту, может быть, в иную
До ссоры б дело не дошло,
Но рану тронули больную,
И парня ажно затрясло.
— Влюблен? — спросил он еле слышно. —
И это ты мне — про любовь?
Ты думал, только мне и вышло —
Побольше рейсов да кубов?
А ну-ка отойдём в сторонку...
Да ты не бойсь — я из тихонь...
Так вот запомни... про Аленку...
Ты эту девушку не тронь —
Не про тебя, браток, огонь!..

Лапшин такого оборота,
Сказать по-совести, не ждал,
И хоть в груди кольнуло что-то —
Не стушевался и не сдал:
— Списать на общие работы!
Гордеичу команду дал.
А Костя — он не то видал:
— Ну и пойду! Не напугал!
Сказал — и, словно камень с сердца,
Завел мотор, захлопнул дверцу,
Качнул машину взад-вперед
(Мотор вот-вот, как зверь взревет),
Еще чуток, еще полметра —
И вот уж вывел из кювета.
— Бери, начальник! А со свету,
Посмотрим, кто кого сживет!

Глава вторая

Хорош, хорош таежный воздух!
Спишь как убитый до утра.
Но будит дед — вставать пора.

Уже бледнеют в небе звезды,
И тают искры от костра.
Над горным кряжем зорька брезжит,
Туман весь берег заволок,
И лес как будто бы пореже,
И снят с рогульки котелок.
Уха янтарная клокочет
(Ерши — с ладошку в аккурат),
За полверсты в носу щекочет, —
Не то что сонный — мертвый вскочит!
Какой там сон! Ты зорьке рад,
Тебя уж нетерпенье точит:
Скорей, скорей — на перекат!

И разве есть еще дороже
Земля, чем эти берега,
Где ты мальцом ловил сорбжек,
Где в плен брала тебя тайга
Душистой сочною малиной,
Осенним даром кедрача,
Немудрой песней глухариной,
Водой студеного ключа.
Где ты с бригадою отцовской,
Как сокол, ставший на крыло,
Гордясь брезентовой спецовкой,
Шел обновить свое кайло.
Где, у косы направив жало,
Ходил в атаку на траву;
Откуда юность уезжала
С полком сибирским под Москву...

Нет, не могу я, успокоясь,
Не вспомнить пройденных путей,
Когда оттягивали пояс
Семь притаившихся смертей...
Казалось, все уже с войною,
И враг давно уж побежден —
Прошли те грозы над страной
Косым осколочным дождем.
Казалось, в сердце для волнения
И места нет, и мир кругом,
А все сожмется на мгновенье,

На дальний отзовется гром.
И так захочется порою
Сказать пророкам непогод,
Что дел у нас невпоровот,
Что, этот новый город строя,
Не крови жаждет мой народ.
Кончайте с адскою игрою —
Она к добру не приведет!

* * *

Здесь все мое: лугов раздолье,
Глубь омутов и плесов мель,
И вербой пахнувший апрель,
И стежка снежная соболя —
Моя земля из всех земель,
Мой отчий край и колыбель,
Край, о котором с тайной болью
Я, помня все до малой доли,
Грустил за тридевять земель...

А кто еще вот так по-братски
Тебя усадит в тесный круг,
Где ни чинов и ни заслуг,
Как не ночной костер рыбацкий?
И пусть ведет знакомство наше
Свой календарь издадека,
А по душам у огонька
Меня и Костю с Кусургашем
Сдружила все-таки река.

Уже, бывало, звезд не застя,
Задремлет возле ног костер,
А дед все ткет и ткет узор
Былин, рожденных среди гор,
А то начнет о внучке Насте,
О нашей стройке разговор,
О жизни, прожитой не гладко...
И как бы ни был Костя хмур,
Глядишь, к рассвету все в порядке,
И снова парень — балагур.

И снова шутит и, конечно,
Глаз не спускает с поплавка,
Поскольку был у старика
В делах житейских и сердечных:
Подход всегда издалека.

— Вот ты поди-ка не поверишь, —
Бурчит наш дед, как тот ручей, —
А молодежь не та теперь уж —
Куда смышленей и бойчей...
Ить взять, к примеру, ту же Настю:
Пойти бы ей, как ни гадай,
По медицинской, скажем, части.
Так нет — ей технику подай!

Пока тут все образовалось,
И только штольню стали бить,
Она еще не сомневалась
И как ей жить, и кем ей быть.
Пошла на фельдшера учиться.
Ну-к что ж, не плохо, говорю.
А стройку начали — смотрю:
Моя Настасья — крановщица, —
Маячит в будке подвесной
Промежду небом и землей.
Какой шайтан ее попутал?
Ить высота какая — страсть!
— Слазь, говорю, немедля слазь!
— Люблю, смеется, высоту-то:
В такое время родилась!
Мол, должность — выше нынче нету!
И воздух чистый — благодать, —
И видно, дескать, всю планету,
И солнце вот, рукой податы!

Ну, я за опояску разом —
В сердцах я тоже дюже строг, —
Наставлю, думаю, на разум,
При всем народе, видит бог.

Спасибо, тут начальник ейный,
Антон Степаныч, подошел.

С ним — Тихон, секретарь партийный.
Стыдят меня: нехорошо,
Нехорошо, мол, так, папаша,
Решать семейные дела.
А дочка али внучка ваша,
Не бойтесь, будет, мол, цела.

Так и нашла девчонка счастье,
Усовестили старика...

А я ить помню, как ту Настю
Выхаживал еще с рожка.
(Прибор такой есть немудрящий.
Как, значит, станешь сиротой,
Тогда заместо настоящей
Тебя и кормят грудью той)...

Да-а... Трудное у Насти детство.
Мать после родов померла.
А сын мой Петр — ее отец-то...
Война отца-то отняла...

Вот так-то...
Если вникнуть в корень,
Так жизнь, друг Костя...
Жизнь — она
Полна и радости, и горя
Без этого... без Лапшина...

* * *

Костра остатки карауля,
Крадется ночь из-за спины
На рысьих лапах тишины,
И лес в безмолвном карауле
Застыл, как войска две стены.
Не скрипнут сумрачные кедры,
Осинник замер, чуть дыша.
Но нет, отходчива душа,

И память вновь готова щедро,
Как светлая вода ключей,
Питать рассказчика искусство.
И вот уж не родник — ручей
Течет то весело, то грустно,
И без труда находит русло
В отличие от иных речей.
И не беда — на то рыбалка! —
Что прихвастнуть был дед не прочь,
Побудешь с ним — и нет, не жалко,
Что ты не спал почти всю ночь.

Ему давно перевалило
За ту черту, когда пора
От райсобеса ждать добра,
А все неведомая сила
Куда-то тянет со двора.
Бойцом с берданкой партизанской
Он начал путь свой в Сыркаше,
Бойцом Рабочей и Крестьянской
Отведал сабли белопанской,
Пуд соли съел на Сиваше,
И рядовым в конце гражданской
Нашел в губернии Рязанской
Вдову-солдатку по душе.

Ну чем, казалось бы, не счастье?
Своя земля, своя изба,
И власть — иной не надо власти:
Ее судьба — твоя судьба.
Так нет, сманил Анастасию,
Свою солдатку, за порог
(Он внучку в честь ее нарек),
И за год чуть не всю Россию
Прошел с ней вдоль и поперек.
Изведал труд молотобойца,
Бил камень, плотничал, как мог.
Путь за Урал уж было лег,
Да остудил жены упрек:
«Куда ты? Бога-то побойся!
На сносях я. Ай невдомек?»

Просил наивный покрепиться:
«Ну хоть до станции? Пойми,
Недостает мне, вольной птице,
Моей тайги, моей Томи».

Но что рядиться — не базар же.
Сын родился в Омутке.
Пришлось подшкипером на барже
Лет восемь плавать по Оке.
Заполучил земли полоску,
Слепил избу, как на Усе,
А там, гляди, и обрусел,
И даже окать стал по-окски.
Ну, словом, накрепко осел.

* * *

И жил бы так, нужды не зная,
Справляя мелкие дела.
Но рядовых земля родная
На новый подвиг позвала.
Загрохал снова котелками
В «пятьсот веселых» поездах
Народ с рабочими руками,
С мечтой о городах-садах,
И тот, что молод, и в годах,
И разве что лежащий камень
Мог равнодушным быть тогда.

В ту пору даже в стих к поэтам,
Ломая прежних песен строй,
Врывались тонны, кубометры,
Кузнецк, Магнитка, Днепрострой
И непридуманный герой.
И вот с таким попутным ветром
Вернулся дед в Кузбасс родной.

В мороз, в метель, что наметала
Сугробы высотой с этаж,
Рыл котлованы, вел монтаж —
Судьбу кузнецкого металла
Решал со всеми Кусургащ.

А после — в штольне Таштагольской
Руду для домен добывал.
Но старый след от сабли польской
Все чаще знать себя давал.
А тут случись еще обвал —
Прижало деда к стойке скользкой:
«Ну все. Кажись, отвоевал».

Уже в месткоме был покрашен
Дощатый столбик со звездой:
«Софрон Петрович Кусургашев —
Земли Российской рядовой».
Однако на шестые сутки
Нашли зарытого живьем.
Казалось, уж какие шутки,
А он свое: «Ну нет, брат, дудки!
Еще со столько проживем!
Сибиряки — народ двужилый!»
А женке приказал, чужак:
«Хотя он — памятник — могильный,
А все же память, как-никак.
Для смеху кинь-ка на чердак...»

Беда не ходит в одиночку.
Случись одна, а там держись —
Такую чертову цепочку
Нанижет их порою жизнь.
Одна к одной. То хворь Петрухи,
То смерть Настасьи — на порог.
И дом горняцкий без подруги
Стал неприветлив и убог.

Такое доведись любому,
Припорошит снежком виски,
И будешь рад бежать из дому
Куда угодно от тоски.

Присел в дорогу на минутку:
«Прости, Настасья, не могу...»
И в тот же день по первопутку
Ушел с сынишкою в тайгу...

Вглядись: не витязь в звонких латах —
Мужик, как тысячи из нас.
Но есть особый смысл как раз
В руках, как корни, узловатых,
В прищуре все видавших глаз,
И в том, что прост по-человечьи,
И мудр, как Тегри-тыш седой,
И что несли вот эти плечи
Весь груз истории самой.

Такой породе тугоплавкой
Не страшен был любой накал.
Нет, не спешил старик с отставкой,
Покая в жизни не искал.
Он знал, что руки трудовые
Еще придутся в самый раз,
Когда откроет кладовые
Своих богатств родной Кузбасс.
Он все таким же расторопным
Через пихтач, глухую тьму
Водил геологов по тропам,
Известным зверю да ему.
Возил на карбасах припасы
Для первых поисковых групп
И ставил в устье Ольжераса
Под зимовье смолистый сруб.
Он знал с весны по ледолому,
Что будет нрав Томи не прост,
И каждый год водил паромы,
Пока не выстроили мост.

И был еще у Кусургаша
Со внучкой Настей давний спор.
— ...Невеста, говорю, всех краше,
А в девках ходишь до сих пор.
Смеется: что, мол, торопиться?
Сам хвалишь, — дескать, лучше всех.
Такой товар не залежится,
Не пропадет, мол, что за спех?

Конечно, вроде, и не к спеху.
Но взять, опять же, то в расчет,

Что правнук тоже не помеха:
И жизнь бойчее потечет,
И старику, глядишь, почет.
Но как втолкуешь несмышленной?
Вспылит, заладил, мол, одно!
И шасть с подружкой Аленой
То на танцульки, то в кино...

Оно не то, чтоб вовсе, значит.
У Насти не было дружков.
Приходят, у ворот маячат,
Считай, до самых петухов.
Но все не то. Не то, что надо!
Я разбираюсь — не ослеп.
Ну, хоть, к примеру, тот же Глеб —
Петра Гордеича бригады.
Вихлястый, как худой плетень,
Прическа — будто год не стрижен,
Штаны — чуток колен пониже;
И новый галстук каждый день.
Ну, пыль пустить, там, приодеться
Умеет в смысле... как их... мод.
А кто он есть, когда взглядеться?
Ить нижник! Вот уж скоро гсд!
Другие выросли ребята
До машинистов, слесарей,
А он как начал тут с лопаты,
Так и закончит, видно, ей.
Да выйди за такого Глеба —
Не то что счастье обретишь,
А насидишься и без хлеба,
А то и по миру пойдешь.

А между тем во всем поселке
Одну хоть девку назови,
Чтоб он не пробовал сбить с толку,
Не объясниться ей в любви.
Он чем берет, стервец:
Весельем,
Умеет спеть и пошутить.
А жизнь без шутки, стало быть,
Что новый дом без новоселья...

Но всякой шутке — свое место.
А мне в те дни и смех — не смех.
Пытаю Настю: ну, невеста,
Чем взял тебя он? — неизвестно.
Смеется: с ним де интересно,
Мол, не походит он на всех!..
Вот, видишь ты, какое мнение?
Он, как блесна: что ни чудней,
То интересней для тайменя,
Ту и хватает он верней.

И то сказать, ить словно кремни,
Иные парни есть у нас:
Пред тем, как спеть,
Пуститься в пляс,
Прозаседают целый час,
План утверждают, как тот указ,
А первым парнем по деревне
Тем часом ходит Глеб как раз...

Поволновался я немало:
Не дай бог этакой родни!
А Настя с ним да с ним все дни.
Но, правда, в строгости держала:
Дружи, а больше — извини...

* * *

Жара. В янтарных бусах кедры —
Сочится смолкою кора.
Одолевает мошкара.
— Ты закури, оно не вредно, —
Старик советует, — ей-пра! —
А сам колдует у костра,
Поскольку полдничать пора...

— ...А то еще —
Другой парнишка.
Русявый, видный из себя.
Все ходит к Насе, носит книжки.
А видно: ходит-то любя!

Не ветрогон, не полуночник.
Да ты встречал его, поди, —
Петра Гордеича помощник...
Механик вроде, а гляди,
Туда же — балует стишками.
Для Насти все. И, примечай,
Забудет их промеж листками,
Как будто, значит, невзначай!
Ну там, про звезды да про небо,
А ясно: что к чему ведет.
И, главное, не терпит Глеба:
При нем — к избе не подойдет!

Спервоначалу-то, пожалуй,
Им даже Настя увлеклась.
И мне все уши прожужжала:
Все Влас да Влас, все Влас да Влас.
Да, видно, чем-то не потрафил.
Смирен уж больно этот Влас.
А на Настасьин-то характер
Вот как нужна мужская власть!
Лукава, как моя лодчонка:
Чуть прозевал — перевернет!..
Но все со временем пройдет.
Покочевряжится девчонка,
А там, глядишь, и в ум взойдет...

Подружка у нее, Аленка,
Вот та Настасье не чета,
Вот та совсем другого сорта.
На вид — святая простота,
А ить, смотри, какого черта
К рукам-то прибрала она:
Подумать только — Лапшина!..

* * *

Да-а, так-то вот находят счастье.
Все просто и без лишних слов...

Ну что же, сматываем снасти?
Ишь как печет. В жару не клев!

Печет. Должно, дождю, случиться —
И зверь, и птица в холодке,
И, словно радуги частица,
Стрекозка сонная лучится
На неподвижном поплавке;
И наша легкая долбленка
Едва по речке чертит след...

«Аленка... Милая Аленка...
А так ли все, как молвил дед?..
А так ли просто, думал Костя,
Дорогу к сердцу отыскать?..»
Ты знаешь, сказки эти брось ты.
Любить — не окуня таскать!..

Но вот и мост. Сторожевая
Избушка деда в три окна,
И рыжий пес, душа живая,
Летит стремглаз по дамбе к нам.
Бунтует пенное бучило
У основания быка.
Но как ни бьется с ним река —
Не стронула, не сговорила,
Лишь пылью брызг посеребрила
Его бетонные бока.

А может, это капли пота.
Все может. Спорить не берусь.
Ведь не легка его работа —
Нести пролетов тяжкий груз.
И пусть конец главы украшен,
Быть может, строчкою не той —
Я мысли радуюсь простой,
Что для сравненья с Кусургашем
Приметил мостовой устой.

Глава третья

Десятый день ведут сражение
За левый берег взрывники.
По склону — полка в две сажени,
Внизу — свирепый рев реки.
А метрах в ста застыл повзводно,
Как полк на линии исходной
Перед решительным броском,
Строй тех машин, что нам знаком.
Еще последних два отпала —
И снова ринутся, как в бой,
Бульдозеры и самосвалы,
И экскаватор-запевала
Шагнет в дымящийся забой
С копьем стрелы перед собой.

...Труд мастеров, вовеки славься!
Ведь это доля их души,
В сознание минских, ярославских,
Уральских, горьковских машин!
И пусть эстеты не глумятся:
«Где стих?
Здесь рев машин сплошной!» —
Я в тех машинах вижу братство,
Содружество семьи одной,
Что называем мы страной.

Смотрите: началась атака!
Шестой... десятый самосвал.
Пусть труд людей не одинаков,
Но и шофер и тот, кто вал
Восьмиколенный отковал —
Всяк в меру сил своих, однако,
Склон Красной горки штурмовал.
И если бы сейчас спросили:
«Осилишь? Путь не проторен!»
Любой ответил бы: «Осилю!
Коль матерью зовут Россию,
Нельзя не быть богатырем!»

* * *

Да, все здесь так,
Но было время,
Когда по скрытым маякам
Угрюмых карбасников племя
Свой флот водило к приискам.
Через Сыркаш, Чульжан и Тебу —
Туда, где снежный Тегри-тыш
Четыре зуба поднял к небу,
Где только птицей пролетишь.

Но там за соль, свинец и порох
У шорцев можно наменять
Собольих шкурок, о которых
Иной купец не смел мечтать.
Но там старатель приисковый
Платил червонным за харчи
И не рядился за целковый,
Спеша в Кузнецк, —
Лишь в срок домчи!

И бог судья, коль тот старатель,
Случайным фартом опьянен,
Вдруг на Казырском перекате
Был невзначай волной снесен.
Земля возьмет бедняги тело,
Не выдаст тайну перекат,
А там — кому какое дело:
Откуда карбасник богат?

Их, атамановских, кузнецких,
Знавал народ по именам,
По дням разгулий молодецких:
«Пей! Хватит всем!
И вам и нам!»
По крепким избам пятистенным
На бойком месте, на юру,
По бабам, гладким и степенным,
По псам, прикованным к двору.

А больше — по живым обидам,
По стертым бичевой плечам,
Да по ступням, о камни сбитым
За хлеб богатых кузнечан...

Но было и такое время:
В таежной чуткой тишине
Нет-нет о саблю звякнет стремя,
Да грохнет выстрел в стороне,
Да встанет под горой сыркашской,
Как будто вкопан на века,
Над обогренною ромашкой
Горячий конь без седока.

Умолк колчаковский каратель,
Рой мух припал к слепым глазам.
А кто стрелял?
Шахтер? Старатель?
Одно известно — партизан.
Где он теперь? На лесосплаве?
На стройке? В шахте? Чья вина,
Что мы, одних не в меру славя,
Других забыли имена?

Но потолкуй со старой шоркой —
И, вспомнив сына, скажет мать,
За что в народе Красной горкой
Увал заречный стали звать,
За что людей отважных горстка
Последний бой здесь провела...

Поныне уголь красногорский
Хранит частицу их тепла...

* * *

Глухой толчок, еще мгновенье —
Надсадно ахнула земля,
И к небу вскинулись камни,
Как вековые тополя.

Тугой волне с травой вровень
Поклоны гнет гордец-тальник,
Припал смородинник на миг,
Роняя капли спелой крови.
И, в дальних сопках оседая,
Стихает гром. Но не пройдешь —
Сечет листву гранитный дождь,
И все осинка молодая,
От пыли каменной седая,
Никак унять не может дрожь,
Как будто на переднем крае
Тот новобранец полковой,
Что, с первым взрывом замирая,
К концу обстрела — сам не свой.

Еще нет-нет прорежет свистом
Осколок щебня тишину,
А Власу вместе с машинистом
Уже не терпится:
— А ну!

Покажем темпы Лалшину!
— Гляди-ка в оба за мотором! —
И Петр Гордеич, не спеша,
Подав сигнал друзьям-шоферам,
Берет гранит в ладонь ковша:
— Ну, налетайте! С пылу, с жару!
Полтина — ковш, на рубль — пару!
Пока погода хороша!

И вот уже с машиной сросся,
Над самосвалом ковш занес,
Застыл на миг, как знак вопроса,
Как будто напряжение троса
Его рукам передалось.
И все, чем жил, вдруг почему-то
Осталось где-то позади,
И сердце новый с той минуты
Секундам счет ведет в груди.
Ты — бог и царь! Тебе подвластен
Твой экскаватор, твой забой.
И тот, кто хочет знать, в чем счастье,
Побудет смену пусть с тобой!

Способность все схватить с полслова,
Упорство, смелость, простота,
Горячность, если что не так, —
Все выдавало в нем бывшего
Героя танковых атак.
Под стать машине скроен грубо,
Весь будто сажеею натерт —
Сверкают лишь глаза да зубы —
Он и в работе сущий черт.

* * *

А рядом — искры из-под траков,
Скрежещут камень и металл —
Бульдозерист Неунывако
Сдвигает осыпи в отвал.
А рядом, хоть и без сноровки,
Зато с упрямством на двоих
Ведет кювета планировку
Наш Костя.
Он тут средь своих.

А там, спустившись на веревке,
Бурит взрывник в скале шпурь.
И сколько надобно сноровки,
Чтоб зацепиться за обрыв!
И кажется: не перфоратор
Стучит, как дятел по стволу,
А тот смельчак из автомата
Решил в упор сразить скалу...

И видно с берега любого,
Как, взгромоздясь на косогор,
Ведет «Уралец» весь тот хор,
Взмахнув рукой пятикубовой,
Как самый главный дирижер.

Здесь землю не топтал зевака,
Певец ромашек не бродил.
Здесь был Федот Неунывако,
И Петр Гордеич Бородин,

Был тот взрывник, лихой и смелый,
Что скалы бил на черепки,
Весь тот упорный и умелый
Народ, чье имя — горняки.
Народ, что по три дня машины
Мог не покинуть в дождь и зной,
Воюя с оползнями глины,
С отвесной каменной стеной,
И тут же падал, как хмельной,
И засыпал, кладя по чину
Под изголовье шар земной!

* * *

Но что там? В чем опять загвоздка?
— Да вот, готовят новый взрыв.
— Глуши моторы! Перерыль..
И, как бикфордовы шнуры,
В зубах затлели папироски.
Казалось, вот еще затяжка
И, тем огнем подожжена,
Рванет взрывчатка, ахнет тяжко,
И рухнет скальная стена —
Так необычна тишина.

...В тени осинок, в тихой дреме,
Схож цветом с рыжею листвою,
Лежал Липат, что на пароме
С бригадой встретился впервой.

Запомнилась одна деталь —
На твой вопрос: «Издали ль?»,
Тщедушный с виду, он ответил:
«Чего пристал-то? Отвяжись!
Ищу, где рай на этом свете —
Не зацеплюсь никак за жизни!..»

Встречал и после ты Липата —
Уже в спецовке горняка.
Спросил:
— На шахте?

— Там.

— Ну как?

— Кто как... Со сдельщины оплата.

Тыщ пять мог взять наверняка,

Да вот шахтерская лопата

Уж больно, дьявол, велика...

Был он и в плотничьей бригаде,

Но через месяц рассудил:

«Артельный труд? Чего бы ради

Под чьей-то властью я ходил?

Не-е, проживу и без бригады,

Авось, пробьюсь своим трудом!»

И взял в Нахаловке подряды

На срубы, ставни, на ограды,

И свой, меж тем, затеял дом.

Потом, прослышав о разрезе,

Он дал в отделе кадров бой:

«Да знаешь, кто перед тобой?!

Да я с пеленок при железе,

При технике стоял любой!

Желаю нижником в забой!»

Преобразился — не узнаешь.

И только Глеба поучал:

«Что в жизни главное, смекаешь?

Рубль. Он — начало всех начал.

Ты не смотри, что званье — нижник.

Не-е, тут, милоч, не в званье честь.

Петра Гордеича сподвижник!

А с ним — как куб, так рубль есты!

А ковш у нас?.. Пятирублевый!

Усвоил? То-то, пень еловый...

А что насчет энтузиазму

И трудовых и прочих вахт —

Так это так, для виду разве.

За деньги вкалываем, факт...»

И вот сейчас, когда в бригаде

Он был за лень поддет слегка,

Что рано, дескать, греть бока —

Сперва дойди до уголька, —

Он не смолчал: — Чего же ради?
Куда спешить? Кури пока!..
Один ведь раз, милоч, живем...
А то Лапшин: «Нажмите, братцы!»
Другой кто тоже: «Поднажмем!»
Немудрено и надорваться...
Вот жмем — машины ажно стонут.
А проку в спешке? Уголь тот,
Небось, века лежал нетронут
И лишний месяц обождет...
От этих «жми» завоешь волком.
Вот как парторг и как прораб
Ты разъясни, милоч, мне толком:
Кто я — рабочий или раб?
Докуда надсажаться будем?
Не время ли пожить, как людям?..

Прораб вздохнул лишь: ну и шкура,
И вслух: — В рабочие ты слаб.
Кулацкая твоя натура...
А вот что раб, так точно — раб,
Раб мелкотравчатой душонки.
Но тут не выдержал Федот:
— Ох, деликатно! Ох же ж, тонко!
Да нешто до него дойдет?
Ему мораль, как та дробинка,
Слоновой шкуры не пробьет!
Ведь он куда каналья гнет:
Пуп надорвал! Ах, сиротинка!..
Небось не плакался, черт рыжий,
Как бревна с запани тягал!
Как для себя, так не до грыжи?!
За сколько хату-то загнал?!

— Да ладно-те, Федот, да брось ты.
Сорвался, ровно бы с цепи.
А бревна куплены. Друг, Костя,
Не дай соврать...
— Сперва купи!

И началось. Была б затравка,
А прикурить дадут, ей-ей.

Да что ни слово — то булавка,
Что ни булавка — то больней.

А той порой, пока Липата
Брала бригада в оборот,
Прораб Гордеич и Федот
Обозревали фронт работ.
— Спешим, спешим, а слабовато
Дорога движется вперед...

— Так в лоб же бьем одной машиной.
А дай двум-трем «Уральцам» фронт —
Давно дошли бы до вершины
И вскрыли первый горизонт...

— Постой, а как же тут иначе?
Какой на полке разворот?
Нет, тут не в том, друзья, задача.
А вот найти бы выше брод,
Да через Томь, а там по логу
Подняться в будущий забой
Да встречную начать дорогу —
Вот это разговор другой!

— И вскрышу гнать?!

— Само собой.

— Так то ж и я так думал! Эх ты!
И Кусургаш там знает брод!
Так ведь Лапшин заткнул мне рот:
Ты что же, мол, умнее всех ты?
Нет, мол: Федот ты, да не тот.
На это, дескать, есть проекты
Организации работ!

— Так что же ты молчал, вояка?!

— Да вот смутил меня Лапшин.

— Не унывай, Неунывако!

Пусть гнет Лапшин на свой аршин,
А мы, как лучше, порешим!
Наперекор всему по логу
К забою выйдем прямиком —
И к сроку будем с угольком!
Я верю, в этом нам помогут
И управление, и горком!

Но вот к концу подходит смена.
Горят осины на ветру
Средь пихтача — костер к костру.
Листвой пожухлой, прелым сеном
Запахло к вечеру в бору.
Поднялся выводок утиный
С заросшей травами курьи.
Сверкнув летучей паутиной,
Угас последний луч зари —
Не вспыхнуть больше волоконцам,
Все потускнело как-то вдруг.
Но долго пахнет знойным солнцем
От камня, стали и от рук.
Но долго сердце не отпустит
Волнение прожитого дня —
И веют чуть приметной грустью
Притихших склонов зелена.
И все смелей, смелее вечер,
Прохладен сумерек покров.
И сразу чащу междуречья
Туман заполнил до краев,
И месяц, тоненький и робкий,
Боясь покинуть край земли,
Глядит, как тонут корабли —
Кварталов каменных коробки,
Глядит, как плавают вдали
Подъемных кранов журавли...

Глава четвертая

Томь пополудни...
Что сравнится
С той предзакатной красотой!
Прозрачен воздух — не напиться!
Зовет тайга — спеши, не стой!
Еще все искрится, лучится,
А по распадам — мрак густой.
И ненасытный ветер-скряга
Забился в заросли, затих,
Чтоб сосчитать на дне оврага

Червонцы листьев золотых.
Но жадность не дает покоя —
И снова бес ему в ребро:
По лесу рыщет, над рекою,
Сгребают все, что под рукою,
И норовит прибрать с листвою
Реки живое серебро...

Бредешь коврами золотыми:
Рябины дразнят с высоты,
Горят рубинами литыми
Таежной кислицы кусты;
И кедров грозное величье,
И шелест трепетных осин;
И стайка бойкая синичья
Тебя приветствует: «День-синь!»
А там, где в звоне, в белой пене,
Томь чешет косы на камнях,
До ночи буйные таймени
Гоняют шустрый сорожняк...

Антон с Аленкой в этот вечер
Был грубоват, не прятал зла,
Как будто знал, что эта встреча
Последней встречей их была.
От прежней вежливости тонкой,
Как говорят, и след простыл.
О, если б знал он, что с Аленкой,
Как белый свет ей стал постыл,
Как с каждым днем неинтересней,
Тесней становится мирок,
Где и любовь и счастье вместе,
Едва переступив порог,
Остались недопетой песней...

А тропка вьется, и сторонкой —
Тревожная косая тень...
Аленка... Милая Аленка...
Когда пришел он — этот день?..

...Ты помнишь утро в котловане,
Твой первый трудовой урок?

Подручный каменщика — званье,
И снаряжение — мастерок.
И непривычная усталость,
И боль от пояса до плеч.
И никогда так не мечталось
Домой добраться и прилечь.
И было очень уж обидно:
Кругом лишь глина да вода,
И той романтики не видно,
Что привела тебя сюда.
Был самый будничный фундамент
Под самый под обычный дом,
И каждый был в то утро занят
Простым, на первый взгляд, трудом.

Копались слесари на кране,
Готовом встать под облака.
Бульдозерист, смущенный крайне,
Пустить мотор не мог никак.
Над незадачливым героем
Всяк посмеяться был горазд:
— Грозился: шар земной разроем!..
— Беги — прораб лопату даст!..

Ты так боялась быть смешною,
Стеснялась неумелых рук:
«А вдруг вот так же... надо мною?»
А рядом был надежный друг.
Тебе мешали рукавицы,
Был непослушным мастерок,
До слез хотелось научиться,
А он шутил: «Ох, мастерица!»
Не торопись — всему свой срок!»

Но, как звонок на перемену,
Ударил рельс. — Шабаш! Обед! —
И кто-то крикнул тут же вслед:
— Аленка! Эй, Смирнова! Лена!
Зайди к начальству в кабинет!..
Смущало все: его вниманье,
Его с лукавинкой глаза;

И тон, каким Лапшин сказал:
— Да, вам не место в котловане.
И то, что глина расползалась
С тяжелых кирзовых сапог,
И даже то, что засмущалась,
И он заметить это мог...

— Так вот, Смирнова... Вы хотели
Учиться на крановщика.
Я помогу вам в этом деле.
Но вы,.. — замялся он слегка, —
Но вы должны помочь мне тоже...
У нас... Короче говоря,
Мой кадровик найти не может
В контору к нам секретаря.
Работа не ахти какая,
Но все-таки не котлован.
Не насовсем вам предлагаю —
Пока подыщется другая,
А там уж как угодно вам...

Притихло сердце, словно птица,
Застигнутая у гнезда.
«Затем ли ехала сюда?
Гляди, беде бы не случиться...»
Тревожно кровь в виски стучится:
«Ворочать камни?.. И всегда
Так уставать?.. Нет, нет! Учиться!..
Пойду на время, не беда...»

— Ну как, Смирнова? Ваше мнение?
Согласны выручить меня?..
Тогда пишите заявление —
И к делу с завтрашнего дня.
А Кусургашевой... Да, впрочем,
Одну минутку, я сейчас...
Вот. Передайте ей приказ.
В порядке, так сказать, рабочем,
За пару месяцев из вас
Она создаст крановщика!
Договорились?.. Ну, пока!..

А дальше...

Дальше все, как в сказке.

Весна, прогулки по реке,

Шелка причудливой раскраски

И жаркий перстень на руке.

Мечты, как санная дорога

С летящей тройкой вихревой,

Смешное имя — Недотрога,

И боль и радость, и тревога

В незрячем сердце.

Как немного

Для счастья надобно порой.

Любовь? Так вот она какая —

Хмельна, обидчива, щедра

Безумной щедростью костра,

Что рвется в небо, полыхая,

Не сожалея, не вздыхая,

Что дров не хватит до утра.

И все же трижды омрачала

Ту сказку будничная быль.

Письмо от матери сначала:

«Разобралась ли? По любви ль?»

Затем — правоученье Насти:

Смотри, мол, плачет не одна...

Но ясно же, чужому счастьем,

Как все, завидует она.

Да бред подвыпившего Кости.

Пришел со смены. Весь в грязи.

«Ну, принимай, подружка, гостя!

У вас ведь свадьба на мази!

Не нравлюсь? Водкою разит?

Так он довел же, паразит!»

Но ни они, ни злые сплетни, —

«Невеста?.. Может быть жена?!» —

Нет, нет, ничто уже на свете

Не бросит тень на Лапшина!

Все решено: лишь отпуск взять бы —

И не во сне, а наяву

Уехать сразу после свадьбы

К нему на родину, в Москву!..

А он ломал живые ветви,
Листву с осинок обрывал,
Как будто все пред ним в ответе —
И лес и Томь — бей наповал!
А он, предчувствуя крушение
Своей карьеры и надежд,
В душе вынашивал решение:
«Одно спасение — отъезд».
А он закуривал раз двадцать,
И вдруг, как в сердце острой:
— Довольно!
Хватит притворяться!
Скажи, что нравится другой.
Скажи, что твой шофер Егоров
Давненько голову вскружил!
И хватит! Хватит разговоров!
И так слепым полгода жил!
Уеду! К черту! Надоело!
И ты, и вся эта возня
Вкруг переправы!
Ново! Смело!
Да там... аферой пахнет дело!
Не-ет, пусть попляшут без меня!

* * *

И враз сраженная Антоном,
Как ветвь, заломленная им, —
Лишь лес глухим ответил стоном
Да Томь рыданием глухим —
Упала девушка пред ним.
В ее глазах, как небо, синих,
В таких, как росы по утрам,
Поплыл куда-то вкось осинник,
Как под ударом топора.

Качнулись кедры в синей бездне,
Мир пошатнулся и летит,
А в сердце — боль и страх, и стыд:
«За что? За что пришло возмездье?
Куда теперь?»

...Хлестали ветви
Огнем пылавшее лицо,
Свистел укор во встречном ветре:
Не все ль равно, в конце концов...
А вот и каменная осыпь,
Корайского обрыза высь.
В последний раз мелькнули косы...
«Прости, непрожитая жизнь...»

Случайность или же пристрастье
Присочинить? — ответ не дашь.
Но под обрывом, как на счастье,
Рыбачил с лодки Кусургаш.
Черпнула бортом душегубка,
Всплеснула косами волна...
«Никак Аленка? Ить она!..» —
Успел подумать старина,
Подплыл, не дал уйти до дна.
-- Да нешто можно так, голубка?
Утопнешь, тут же страсть как глубоко...
Да нешто жизнь на то дана?
— Пустите, дедушка! Не жить мне!.. —
Упала старику на грудь. —
— Ну что мне делать?
Что? Скажите?
— Да обойдется как-нибудь...
Да успокойся, ради бога.
Авось, придумаем, найдем,
Как дальше жить?
Об чем тревога!
Ну хоть бы к нам пока пойдем —
Какой ни есть, а все же дом...

А в тот же вечер после смены,
В спецовке, в грязных сапогах,
От общежитья в трех шагах
Ждал Костя. Ждал Смирнову Лену,
Присев к ограде на полено,
Поскольку правды нет в ногах.
А правду вот как знать хотелось,
Пока все слухи — верь, не верь.
И злился, что такая смелость

Пришла не раньше, а теперь.
«А вдруг она на землекопа
Смотреть не станет?
Ну и пусть!
Переживу все беды скопом,
Но — будь, что будет — объяснюсь!»
Откуда знать, что в одночасье
Там где-то в роще, за селом,
Аленки липовое счастье,
Как ветхий дом пошло на слом?

Уже луна взошла высоко,
И комендантша, страж девчат,
Глаз не спуская с Кости, с окон,
Прошлась, ключами в такт брэнча.
Вернулась снова: — Что ж ты, сокол,
Любовник чей, ай из воров?
Так мы сейчас тревогу вдарим!
— Аленку жду я...
— Эко, парень!
Ушла с Антоном! Будь здоров!
— Давно?
— Да вроде бы с обеда...
Ты что же, брат ей, али так?
— Так, так. Так вот они — все беды.
Ликуй, Антон, твоя победа!
— Да ты подвыпимши никак?..
— Нет, тетка. Просто я дурак!
Хотел еще спросить о чем-то,
Но к горлу подкатил комок,
И только мял в руках кепчонку
И с места сдвинуться не мог...

Глава пятая

Еще палаткою дырявой,
Чуть-чуть приподнятой с угла,
Вис небосвод над переправой,
И берег скрадывала мгла,
И в трех шагах от переката,

На стрелке галечной косы,
Дремал, как мамонт, экскаватор,
Чуть запотевший от росы.
Но, потревожив сон, в поселке
Зажглось окно Бородина,
И вот уж Томь подожжена —
Дрожат и плаваются осколки
Второго, пятого окна.
То скрипнет дверь, то у колодца
Ведро в потемках громыхнет,
То дым печной к земле прижмется,
То щами вкусными пахнет.
А там взошла на небосклоне
Звезда, предвестница зари,
Исчезла в розовой короне.
И вот он — первый луч — горит
То у березы в жаркой кроне,
То в алых гроздях у рябин.
Идет рабочий день желанный!
И солнце, как румяный блин,
И льется в Томь со всех долин
Парное молоко тумана,
И журавлей последний клин
Спешит с низовьев Васюгана...

А через час сошлись у брода
Бригадники Бородина.
Липат шестом померил воду —
Не велика ли глубина?
А вслед:
— Не трусь! Форсируй с ходу!
— Да я могу. Не трусил сроду.
Вода вот только холодна!

Он как всегда, привычке верен,
Пришел, едва зажглась заря,
Дотошно выходил весь берег:
Не завалюсь ли что зря.
При нем и спутник неразлучный —
Мешок холщовый через горб, —
За что был прозван наш подручный
Недобрым словом «крохобор»,

За что при всех своих уловках
Был пойман сторожем не раз —
На них, на таких вот ловких,
У Кусургаша острый глаз.
Не доверял старик Липату:
— Тем и живет, что строит хату,
По кирпичу, по щепке малой,
По плахе, взятой невзначай.
Нахаловский народ бывалый —
Ты по мешкам их примечай.
Так и глядит, чтоб поживиться
За счет растяп да простаков.
Потом тебе же тыщ за тридцать
Продаст тот дом — и был таков...

* * *

Но день горяч — не до Липата.
Команду подал бригадир,
Бульдозеристы в два каната
«Уральца» взяли на буксир.
И вот он, вздрагивая зябко,
Переступил черту земли...

Нет, по инструкции нельзя б так,
А вот рискнули — и пошли.
Пошли, параграфы минуя, —
Пусть их лежат себе в столе! —
Поскольку верили в иную,
В живую правду на земле.

А Томь на гребень переката
За валом гонит новый вал,
Гудит, запутавшись в канатах,
Бьет под колени наповал,
Клокочет в лязгающих траках,
Воронки крутит у бортов...

— Куда вот прем? — Липат со страху
Податься вспять уже готов.
Но как уйдешь, когда к примеру

Мальчишка Костя, а и тот
В твой тоже метит огород:
— Давай, примай, мол, нашу веру! —
Как будто тут купель — не брод.
Как ни крути, как ни охота,
А ходу нет, видать, назад.
И на уме одна забота:
Хоть придержаться за канат...

Уверены бульдозеристы,
Как бог, спокоен машинист,
Как будто им поток тот быстрый
Не страшен, не снесет их вниз.
И все ж при каждой малой яме
Пот проступает сам собой,
И все бригадники с ломами
Готовы дать немедля бой.

Но вот канаты до предела,
До звона разом напряглись,
Вокруг машин вода вскипела,
К кабинам волны поднялись.
Неунывако, как из рубки,
Кричит: — А дальше-то куда ж?!
А сверху в утлой душегубке
Спешит на помощь Кусургаш:
— Куда вы, черти?!
Там же глубоко!..
Федота взял на абордаж,
Покинул лодку, не жалея,
И чуть шестом не тычет в нос:
— Куда шайтан тебя занес?!
Держите, говорю, правее!
Ить там — порток не замочить!..
Да поживее, поживее,
Чтоб самый стрежень проскочить!..

Но поздно. Лопнул, как граната,
Фонтаном брызг ударил трос,
Метнув по воздуху Липата
За перекат, на самый плес;
И дно под тяжестью «Уральца»

Заскрежетало, как стекло.
Но в мертвой хватке сжались пальцы:
Ломы под траки — и пошло!
Пошло, где гладко, где неровно,
И вот он берега откос.
Прораба Тихона Петрова
Все слышат, хоть и безголос.
Влас с Костей — живы и здоровы —
Со дна достали, вяжут трос.
Но Тихон снова в воду гонит:
— Спасай Липата!
А в ответ:
— Не бойсь! Дерьмо — оно не тонет!
Еще проплавает сто лет!
А тот, легко вздохнув впервые,
На берег выбравшись другой:
— А ну вас к богу, чумовые,
С работой вашей и с деньгой!..

Еще, еще одно усилие —
И с троса звонкая капель,
И, повинувшись властной силе,
«Уралец» выбрался на мель.
Хрустит, похрупывает гравий
Под тяжелой поступью машин.
Конец волнениям, переправе...

Но вот он — тут как тут — Лапшин.
Спокоен с виду, безучастен:
— Что ж, молодец, прораб Петров...
Но, между нами, ваше счастье,
Что вы не наломали дров... —
И к старику:
— А вы, папаша...
Вам что, у моста мало дел?
— Да ить такая служба наша —
Вдруг спросят люди Кусургаша:
Куда, мол, старый хрен, глядел?
Ить, если тоньше вникнуть в дело,
Всяк сам себе здесь господин:
Один — в кусты, — все надоело! —
Другие в драку лезут смело,

Как Тихон али Бородин...
Такая, значит, служба наша.
Мы, как-никак, не из калек, —
И дело справим — не запляшем,
И спляшем — грех, поди, не страшен:
Не будем же плясать весь век...
Вот так-то вот, мил-человек...

* * *

Да, здесь народ не той породы,
Что льнет к спокойным берегам,
А той, что с целью благородной
Готова хоть в огонь, хоть в воду,
Хоть прямо к черту на рога.
...Гордеич...
Сколько меж другими,
С какой особой теплотой
Твое здесь повторяли имя
За то, что славился своими
Делами, честной прямою;
За то, что не один твой нижник
В кабину машинистом сел;
За то, что крошки хлеба в жизни
Не зарабстанной не съел.
Не на таких ли строй держала
Та юность, что сменяет нас?
И разве не таким держава
Судьбу вверяла в трудный час?

Легко с такими жить бок о бок.
И нынче снова вспомнил Влас,
Как год назад, смущен и робок,
Сам шел на смену в первый раз.
Гордеич встретил:
— Звать как?
— Влас...
— Люблю плечистых, крутолобых.
Да ты смелей, рабочий класс!
Держись орлом!

Не грех, что нижник:
Пока — подай, да помоги,
А там — лишь не чурайся книжек —
Глядишь, и сел за рычаги!..

Припомнил вновь, как в общежитье
Шептался с Костей дотемна:
— Такое в жизни, брат, событие —
Взять в экипаж Бородина!
Теперь и я механизатор!..
— Э, нет, дружок! Как говорят,
Пока не сел на экскаватор,
Не торопись в калашный ряд.
На пуп заглядывай почаще —
Как от мазута заблестит,
Так в нижний чин по нашей части
Тебя Гордеич посвятит!
А для начала — не журись! —
Лопата тоже механизм!..

Припомнил, словно светлый праздник.
Погрузку первого ковша
И первый стих — утерпишь разве,
Когда поет твоя душа!
Когда, для образа отчасти,
Приметил сам — никто другой! —
Как статный кран веселой Насти
Взмахнул над городом рукой:
«Расти на счастье —
Во-от такой...»

Глава шестая

На вид не крут и не полог,
С болотцем в пихтаче убогом,
Обыкновенный самый лог —
Он трижды проклятым стал логом.
От переправы в полверсте
Звала вершина Красной горки, —
Шагни — и ты на высоте, —

Но сколько знали метры те
Часов безрадостных и горьких!

Здесь брали с боем каждый шаг,
В трясине вязли, рвали камень
И к вечеру, едва дыша,
Сходились возле шалаша
Не в силах шевельнуть руками.
Тревожно спали у костров.
А чуть заря — Неунывако
Опять бульдозер вел в атаку,
И Петр Гордеич, и Петров,
И вся бригада, как по знаку,
Шла штурмовать последний ров.

* * *

Дожди, дожди. И нет спасенья,
И был не раз помянут бог,
Когда из слякоти осенней
Не удавалось вырвать ног.
Но падал лес, и тут же ловко
Его мастили хлыст к хлысту, —
Так, чтоб «Уралец» по лежневке
Смог одолеть трясину ту;
Но падал камень обнаженный,
И шли скале наперекор,
И пробивали путь по склону
Так, чтоб «Уралец» многотонный
Смог прочно встать на косогор.
Казалось, не было преграды,
Способной укротить людей.
И все ж один из всей бригады
Не устоял и двух недель.

Сначала не в чем было Глеба
Ни обвинить, ни упрекнуть,
Вот разве в душу или в небо
Он крепче всех умел загнуть.
Покуролесив где-то ночку,
Он на заре спускался в лог

В кепчонке, сдвинутой на лоб,
С таким надменным козыречком,
Что лучше б не было его б.
Шумел, крутился под ногами,
И все же пара лишних рук,
Каких ни есть, как полагали,
Могли понадобиться вдруг.

Потом, когда в болото влезли,
Он первым делом ногу стер
И порешил: «Я тут полезней», —
Переключившись на костер.
Ребят подначивал порою:
— Ну, работяги, вам пора!
— А ты?
— А я, братва, не скрою,
Решил: чем мерзнуть, как герою,
Сгорю уж лучше у костра!..

Ломались, словно спички, лежни.
Трясина... Дождь...
И Глеб наш сдал,
И от напыщенности прежней
В нем не осталось и следа.
— Братва, конец! Не Глеб я буду,
Но точно: всем нам тут хана!..
— Попридержи язык, покуда... —
Сжал кулачищи Влас в полпуда, —
Скажи: не держат клапана!..
И кто-то горе-работягу
Видал спешащим на вокзал.
Одни решили: дал, мол, тягу;
Другие: «Предал, гад. Сбежал!»
Сдал, как Липат на переправе,
Как трус Лапшин недавно сдал...

И может, я теперь не вправе
Заочно затевать скандал.
Но обжигает сердце кровью,
Когда иные простаки
С бездумной легкостью руки
И с добродушием коровьим

Сгрозчат приказы в две строки:
«По состоянию здоровья
Уволен», — правде вопреки.
Другой распишется, не глядя,
А там смотри, неровен час,
По доброте рубахи-дяди
Лапшин объявится у вас.

* * *

Но не о том сейчас тревога,
Не лапшиными красен мир..
«Уралец» выбрался из лога,
За рычагами бригадир.
И лентой тянется дорога
У Красной горки на груди.
А из-за желтого отвала,
Сквозь дождь и сумрачную мглу,
Другой. «Уралец» — Шаповала —
Навстречу протянул стрелу,
И в ожиданье замер город.
Чтоб уловить как раз ту пору,
Как будет метр последний взят,
Как горняки, взойдя на гору,
Флаг на вершине водрузят.

Кому он чужд в канун свершенья —
Тот боевой, особый дух,
Что поднимал нас из траншеи,
Бросал под танки, вел на круг,
Где, чтоб работать — так до пота,
Плясать — так пол чтоб ходуном,
А загулять пришла охота —
Так бочки чтобы кверху дном!
Тот дух в азарт введет, поддразнит —
А ну-ка, раззудись, плечо! —
И бой и труд тогда, что праздник —
Ни черт, ни дьявол нипочем!

Ты подступись к нему, попробуй, —
К Бородину, в его забой, —

Когда, как будто сам собой,
Урча железною утробой,
Его «Уралец» рвется в бой;
Когда в хмельном огне азарта
Он сам огонь — смотри, не троны! —
Как будто выставил на карту
Все, чем богат, разжав ладонь;
Как будто взялся, нет, не гору
Заставить разом рухнуть вдруг,
А Землю — дайте лишь опору! —
Вертеться с севера на юг!
А Костя? А Неунывайко?
На рост, на внешность не смотри —
В работе каждый одинаков, —
Ни дать, ни взять — богатыри!
Такие с Тихоном Петровым,
Что встал на место Лапшина,
Готовы в путь к вершинам новым,
Поскольку цель у них одна!

* * *

Весь день старик торчал у моста —
Чинил настил, — и кто-то в смех
Спросил: — Сдавать собрался пост-то?
— Да нет, мне пост как раз по росту.
А завтра очень даже просто,
По всем приметам будет снег...

Над страстью дедовской к приметам
Смеялся Костя больше всех:
— Ну, Кусургаш! Теплынь, что летом,
А он, чудака, пророчит снег!
А утром, как на стол под праздник,
Хрустящей скатертью льняной
Лег снег на землю. Манит, дразнит,
Сверкая знойной белизной.
И ЯЗа рубчатые шины —
Как не поверишь старику! —
Впервой от моста до вершины
Сплели узорную строку.

Сегодня, как по уговору,
Как на премьеру в драмтеатр,
Сошлись на угольную гору
Все, кто победе нашей рад.
Само собою — вся бригада,
И, отпросившись на часок,
Аленка с Настей тут же, рядом;
И, обогнув седой лесок,
С охоты будто ненароком
Пришел — крест-накрест патронташ —
Точь-в-точь к назначенному сроку
Неугомонный Кусургаш.
Друзья с соседнего участка:
— Гордеич, друг! Душа винтом,
А для начала — тыщу тонн!
Пришло из города начальство,
И прочий люд со всех сторон.
И тот немаловажен фактор,
Что из газеты областной
Сюда взобрался сам редактор,
А не сотрудник там иной.

Пока суть дела, в круг отдельный,
Где шурф был вырыт угловой,
Сошлись любители — глядели,
На ощупь пробуя, вертели
Остатки пики самодельной
Да ствол берданы дробовой.
Приклад и древко — все истлело.
Из круга выступил на шаг
Дед, при ружье, в патронташах:
— Ить вот оно — какое дело,
Такие штуки против белых
Ковали, помню, в Сыркашах...

* * *

Но вот — свисток.
Над Красной горкой
Взвилась ракета — берегись! —
Ударил в нос дымок прогорклый,

И — взрыв за взрывом — камни ввысь!
Еще гремят в горах отпалы,
И дым на черный снег не лег.
А Бородин стерпеть не мог —
Железной горстью пятипалой
Поддел, занес над самосвалом
Наш самый первый уголек.
Осела Костина машина,
Приняв бесценный дар земли...

Нет, горняки не подвели —
Взята заветная вершина!
Взята! И тянут из кабины
Бородина: — Вылазь, герой!
— Качнем!
— Устроим именины!
А он почувствовал впервой,
Что вот уже не брит неделю,
И страсть как сдал за эти дни,
И те, что радость вместе делят.
Ему обличем сродни.
И, отбиваясь неумело
От выступленья — не речист! —
Сказал, что делал это дело,
Как мог, как совесть повелела...
Такой он есть, наш машинист.

* * *

И я, мой друг, — не грех признаться, —
Почувствовал в минуту ту,
Что нет, не всем пока подняться
Дано на эту высоту.
Зато отсюда, с Красной горки,
Видны свершенные пути,
А если вглядываться зорко —
И те, что надобно пройти,
Что манят далью неоглядной,
Зовут к себе издалека
Туда, где шахте стать «Распадной»,
Разрезу быть у Кийзака:

Туда, где буровые вышки,
Как на странице первый стих,
Где непечатых дел излишки
И не хватает нас двоих.
Земляк! Товарищ! Друг приезжий!
Ты видишь, край у нас каков!
И синева, и плес безбрежный,
И новый город горняков,
Еще едва набравши силы —
Иные зданья налегке,
Где в полстены, где под стропила,
Подходят улицей к реке,
Иные, кран дозорный выслав,
Площадку выбрав в самый раз,
Теснят «проспект», что не без смысла
Зовут Нахаловкой у нас.
Нет, ты полюбишь Междуречье
И — коль с душою горняка —
Окрестных гор крутые плечи
С поклажей угля на века...

Придет весна — и, как извечно,
Мальчишки, сладив туесок,
Берут с березы подвенечной,
Как дань земли, душистый сок.
Весной — все в замяти черемух,
И все девчата Сыркаша
На островах, как на паромах,
Поют — заходится душа.
И если парень ты не промах,
Найдешь, кому их подарить —
Те грозди снежные черемух,
Таящих холодок зари.
И, побывав хоть раз в забое,
Откуда виден Тегри-тыш.
С его завидною судьбою
Свою судьбу соединишь.

1959—1960 гг.

ЗЕМ- ЛЯ

Не научная, но довольно фантастическая поэма. В двух частях. С прологом и эпилогом.

Пролог

Выходя на трибуну, предоставленную поэтам,
Я так и не решил: о чем быть поэме?
О физике, о какой-нибудь новой проблеме?
Или о лирике? Или о том и об этом?
Я знал на стройках, в цехах, на уборке,
У пультов машин и в тиши кабинетов
Влюбленных в поэзию Блока и Лорки,
В поэзию ныне живущих поэтов.
Но знал и студентов, что еле-еле
Плели о чем-то вокруг да около,
Безбожно путая Сафо и Софокла,
Не отличая Кромвеля от Корнеля.
От сессии до сессии не перелистывая
Ни Пушкина, ни Маяковского, не говоря об иных,
Они, со временем становясь нигилистами,
Заявляли: — Мы — практики! Нам не до них!..
А вот у Гагарина и у Титова
Есть поэты любимые, любимые песни.
Казалось бы, ясно: у крылатого слова
Не последнее место на земле и в поднебесье.
Но беспредметный спор — о физике и поэзии —
Не так, как кажется, прост и нелеп.
Реплики «физиков» остры, как лезвия:
— Поэты отстали!..
— Пегаса заездили!..
— Поэты зря едят хлеб!..
Я говорю: «физики» — и беру их в кавычки.
Ибо под вывеской этой, — критик, прости, —
Удобно скрываться и дряни, живущей еще
по привычке:
«После меня — хоть трава не расти!»
Везде: за границей, у нас ли, к примеру,
Суть их одинакова, в конце концов:
Выгода, слава, деньги, карьера
Да благочестивая маска, чтоб скрыть лицо.

Это те самые, кому все обуза:
И физика, и лирика. Им подай, что полезнее
Для личного покоя, для личного пуза,
А не какую-то там поэзию!

Тревожусь не о них — о вас, кому строить
Наш новый мир и жить в нем.
О вас, неразумно идущих порою
На все живое с мечом и огнем.
Да, без поэтов, конечно, спокойнее.
Подразогнать бы, припугнув разок-другой!
«Но поэзия —

пресволочнейшая штуковина:

Существует —

и ни в зуб ногой...»

Поэтому ставят не всех на одну доску.
Оговариваются: есть, мол, и толковый народ.
Ну, к примеру, тот же Александр Твардовский —
Этот сто очков любому даст вперед.
Но одни-де ушли на прозу, изменив жанру,
Другие — на пенсию: нянчат внучат.
Тихонов, Сурков, Безыменский, Жаров,
Как спящие вулканы, грозно молчат.
Иногда, мол, и выбросят дыма колечки,
Но уже — ни извержений, ни помпей.
А из нынешней обмелевшей поэтической речки
Не утолить жажды — хоть пей, хоть ни пей.
Учеными, дескать, атом расщеплен и обуздан.
Учеными, дескать, путь в космос открыт.
А что, дескать, лирики? Издателям обуза?
Ничего-то они не видят дальше своих корыт!
Пишут преимущественно об осенних базарах,
О девицах, нипочем не дающихся в руки,
О босоногих дождях, о краснозадых пожарах,
О том, как шалеют поэты от скуки.
И если, мол, идти от масштаба вселенского,
Станет очевидна несоизмеримость явлений:
Падение атома и вознесение Вознесенского,
Хотя, мол, и сказано, что он почти гений;
Рождение спутника и рождение Рождественского.
Хотя и при том, мол, что стих его из путных,
И поэт записал многоступенчатой лесенкой его,
Это все-таки не ракета и далеко не спутник.

Мелочишка чувств, мелочишка идей
Жалко позвякивают в тощем ручейке.
Нет, в двадцатом веке не заставишь людей
Жадно припасть к такой строке!

Судят, конечно, немногие так странно.
Но спор этот — волны опасных толчков,
Идущих из житейских глубин из-за океана.
Волны, укачивающие новичков.
И вот представьте, что цепная реакция
От таких вот, считающих поэзию безликой,
Убежденных, что лириков упали акции,
Охватила всех — от мала до велика.
И люди, освобожденные от чувства прекрасного,
Подобно электронам, оставшимся без ядра,
Летят раскованно без Шекспира, без Некрасова,
И на Земле начинается новая пора.
Уже и Земля им не планета — планетийка,
И гений человеческий — не вершина вершин,
И железный разум — плод кибернетики —
Управляет приплодом людей и машин.
И если так пойдет, то закончим вступление
И заглянем вперед на несколько лет, —
Представим, что из вымершего поэтического племени
Чудом уцелел единственный поэт.

Превращая в материю поступь времени
Для сверхскоростных фотонных ракет,
Готово избавиться от земного бремени,
Спешит человечество на тот свет.
Ему, одолевшему притяжение земное,
Как ребенку, сосшедшему с материнских рук,
Уже не терпится в мирозданье иное,
Не терпится расширить еладений круг.
Ему, жадно выжавшему все, что возможно,
Из вынянчившей, взрастившей его Земли,
Пришла пора по звездному бездорожью
К новым планетам вести корабли.
И вот люди — отрешены и одержимы, —

Маршрутов и орбит расчертив вензеля,
Рассчитав вес ракет и полета режимы,
Готовятся к старту — прощай, Земля!
Земля космодромов и планетариев,
Еще кое-где торчащих в пустыне,
Где давно ни буржуев, ни пролетариев,
Ни государств не осталось в помине.
Прощай, Земля! Выжженная и облысевшая,
С морщинами высохших начисто рек.
Старая баржа, намертво севшая,
Прощай, покидает тебя человек!
Как всегда, суета перед дорогой дальнею.
В спешке предполетной народ угорел.
— Эй, послушай, робот! Еще одно задание:
Погрузи-ка на племя парочку хлорелл!
И — все. Мертво, как в заброшенном доме.
Ни одной живой души — вечный покой.
Лишь забытый робот в предсмертной агонии
Железно вцепился в землю отяжелевшей рукой.
Тихо на Земле. Словно после аврала.
Только гонит ветер, завывая от тоски,
От седых Гималаев, до седого Урала
Черные, холодные, мертвые пески...
А на лице человека ни мимолетной тучки.
Вот он уже хвалится в кругу марсиан:
— А Землю-то, знаете, я довел до ручки!.. —
Славой Герострата с головы до ног осиян.
Так будет. А может быть, и не будет.
Может быть, мы напрасно об этом спорим.
Ведь все-таки разумные существа — люди.
А пока...
А пока — все живое вали под корень.
А пока — леса вырубай под гребенку.
Загребай все, что сверху и внутри у Земли.
Загаживай реки — чтоб ни одного рыбенка.
Дымами травы — чтоб луга не цвели.
А пока — взрывом бомб заслоняй солнце.
Это ничего, что дышать будет нечем.
Это ничего, что смертоносный стронций
Осядет язвами на теле человечьем.
А пока... Ведь и двадцатый век еще не прожит,
Впереди еще столько всевозможных открытий,

А человек уже очень многое может.
Даже Землю взорвать, если хотите.
Вон в Пентагоне, следуя заветам
Спятившего Форрестола, беснуется генерал:
— Вдарим, господа, по ненавистным Советам!
Сотрем в порошок по самый Урал!
А вот из наших — поскромнее некто —
На ведомственном банкете поднимает бокал:
— За воплощение в жизнь моего проекта!
Предлагаю, товарищи, осушить Байкал!
А там другой с одобренья министра
Спешит свой метод внедрить поскорей:
— Электронево́д, дешево и быстро!
В один замет — вся рыба из морей!
Один — физик-атомщик. Другие — электрики.
Все трое — физики! Но без кавычек понятно,
Таких бы, по-хорошему-то, да сажать бы в клетки,
Такие на Земле — что на Солнце пятна.
Но они свое делают. Времена инквизиций
Давно канули, как говорят, в Лету.
Уничтожать проще, чем упорно возиться
Над тем, чтоб прекраснее сделать планету.
Ах, да. Законы. Но говорят же в народе:
Закон — это столб, с ним не шути,
Перепрыгнуть его невозможно бы вроде,
Но зато очень просто и легко обойти.
И напрасно взывает Леонид Леонов:
— Пощадите природу! Не подымайте топора!
Человек свободен. У человекоэлектронов
Нет самого главного — душевного ядра.

Неужели так нужно? Неужели так будет?
Но вы видели, как сели в космические корабли
И покинули голую Землю люди...

II

А я вот никак не могу без Земли!
Просоленную потом, липкую и сыпучую,
Неподвластную лому и податливую, как хлеб,
Разрытую, взорванную, бурами прокрученную,

Но бесконечно родную, из всех земель лучшую,
Я люблю и любил бы ее, если б даже ослеп,
Если б даже от физиков отстал безнадежно —
От тех, что в забеге времени поэтов обошли —
Если б стал прахом, то и тогда невозможно
Было б оторвать меня от Земли.

И не потому, что родом из землекопов,
Что с Землей у меня особое родство,
Идущее от памятных подмосковных окопов
До котлована, где Братской плотины створ.
Не только потому, что здесь каждый камень,
Каждое деревце дороги и священные,
Не только потому, что своими руками
Закладывал фундамент под эти вот стены,
Что на разъезде, маленьком и неизвестном,
Своими руками сажал тополя.

Но еще по причинам,
Одному только сердцу известным,
Я люблю тебя, матушка наша Земля.
Утром — росную всю, будто в капельках счастья,
Обращенную к солнцу спутницу юности,
В час, когда в каждой почке птенцами стучатся,
Силы пробуют листья, готовы проклюнуться.
Днем — усталую, знойной жарой опаленную,
Золотистой пылью всю как есть опыленную,
С разнотравьем лугов над зеркальными речками
Да с гудением пчел над медвяными гречами.
А еще — в полушалке, зарею расцвеченном,
В час, как наши девчата к зиме заневестятся.
Я люблю тебя, страдная, осенью, вечером,
На свидание спешащую с молодцем-месяцем.
А еще — по ночам, в звездном небе летящую
Со снегами скрипучими, с чудо-метелями.
Не далекую, сказочную — настоящую,
Ту, с кторой пока еще не улетели мы...

И я не верю, что практиков поклонники
Обходятся без лирики — тверды и непоколебимы, —
Не кормят голубей на своем подоконнике,
Никогда не дарят цветов любимым,
И дружат не только с собаками подопытными,
Со счетными машинами, с машинами иными,

Но еще и не простаивают ночей под окнами.
Волнуемы проблемами самыми земными.
Не верю, что физики, даже очень ученые,
О зорях утренних и о вечерних зорях,
О радости и печали, о счастье и горе
Имеют понятие самое отзлеченное.
Нет, ни счетным машинам, ни синхрофазотронам,
Ни атомным реакторам не разять и не решить,
Из каких протонов, нейтронов и позитронов
Состоит ядро человеческой души.
И нет, не атомные — иные реакторы
Рождают энергии такую громадину,
Что бледнеют физики и даже редакторы
Со своей серой и со своим радиом!
Этой энергии — не лучевой — лучистой! —
Достанет в реакторах наших сердец
На труд и на песню, и на бой нигилистам,
Предрекающим лирике бесславный конец.

И вот люди, проникшиеся любовью
К лесам и рекам, ко всему живому,
Отношение к Земле ремонтируют, как кровлю,
Грозящую разрушением отчему дому.
И вот под лозунгом: «Все для человека!»
Радугой разума зримо и символично
Семидесятые годы двадцатого века
Встают над планетой во всем величье.
Я не вижу на стройках ни лопаты, ни лома,
Ни девчонок, надрывающихся на подноске кирпича,
Ни ветхих деревушек, крытых ссломой,
Ни восседающего в министрах недавнего палача,
Ни человека, перед другим человеком
Гнущего спину, колени и шею.
Вся — от примитивных до сложнейших молекул —
Поет и радуется Земля, хорошея.
Я вижу, как земли, заботливо ухоженные,
Воздают человеку за любовь сторицей —
Молочными реками, янтарной рожью,
Голубыми льнами, солнечной пшеницей.
Видю, как люди собственными руками —
Добровольцы из Тулы, Марселя и Гвадалахары —
Стирают с планеты, воюя с песками,

Желтые пятна Кара-Кумов и Сахары.
Вижу, над вершиной, куда нам взбираться,
Знаменем кумачовым восход заалел:
Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство
И Счастье всех народов на всей Земле!
Весь мир, преломленный в волшебной призме,
Граненой энергией человеческих сердец,
Вижу, товарищи, при коммунизме!..

Э п и л о г

Вот и спору нашему пришел конец.
А я... Ну что же, не прав был разве я,
Обещая поэму о физике и поэзии?
Что же касается области фантазии,
То я и за земную — она не бесполезнее.
Нет, не считайте, что я заблудший,
Что нам на далеких планетах не жить.
Но давайте и к Земле относиться получше —
Не только топтать ее, но и любить.

1961—1966 гг.

Содержание

Вместо предисловия	2
------------------------------	---

С т и х и

«Я беру чудо-колбу...»	7
«Говорят, что я не лирик, нет...»	7
«Волна отступит, набежит...»	8
Острова	8
«Тропа — с уступа на уступ...»	9
Картина В. Г. Перова «Странник»	10
«Очень трудно без песен...»	11
«Ах, как щедры мы на советы...»	12
«Был цех как цех...»	12
«Не верьте тем, чья злая зависть...»	13
«Ломают копья молодежь...»	14
«А вы смогли б свободно, просто...»	15
«Жизнь — не гладенький шлях...»	16
«Да, смешно, конечно, для нашего века...»	17
Работа	18
Лишь бы люди — богаче	19
Корабельный гвоздь	21
Бригадир	21
Черти	22
На Южсибе	23
Савельич	24
Баллада о сапере	26
Баллада о слове «Надо».	28
Али Умарбек	31
«О мужестве много сказано слов...»	32
«Если первыми люди...»	33

«Узнаю тебя, друг...»	35
«Биография начиналась так...»	36
«Неотвратимо он приходит...»	37
К событиям в Пекине	37

П о э м ы

Кладоискатели	39
Красная горка	69
Земля	121

Евгений Сергеевич Буравлев

ОСТРОВА

*

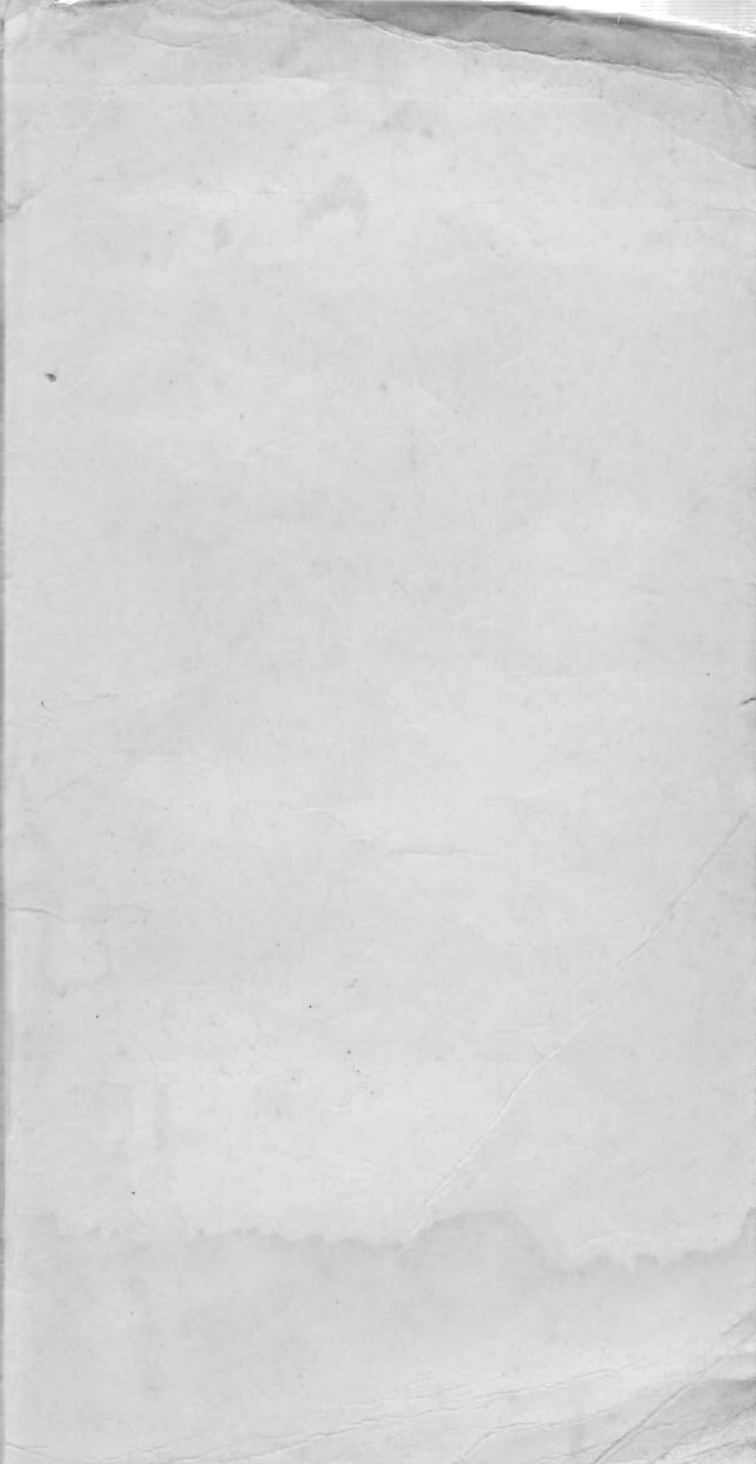
Художник Г. Ефремов
 Редактор И. Киселев
 Художеств. редактор О. Красова
 Техн. редактор Г. Рудина
 Корректор Е. Тимощук

*

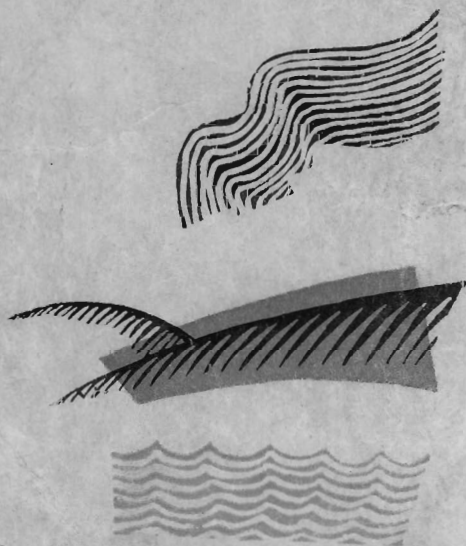
Сдано в набор 27.XII.1965 г. Подписано к печати 3.VI.1967 г. Формат 84×90¹/₃₂. Бумага-типографская. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 7,2. ОП00422. Тираж 6000 экз. Цена 36 коп. Заказ № 3319.

Кемеровское книжное издательство
 Кемерово, Советский проспект, 94.

Тип. № 1. г. Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 36 коп.

КЕМЕРОВО • 1967